

Ольга Сидельникова-Вербицкая

СОКРОВИЩЕ НА НЕБЕСАХ

Париж
Санкт-Петербург
2021

НАЧАЛО

«Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня. Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены, и душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, доколе? Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей, ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?» (Пс.6)

Я решилась. Потому что есть, что сказать напоследок. Каждому есть, что сказать, и в любой момент жизни это несомненно, но возраст после семидесяти лет имеет преимущество. Оно основано на том, что времени остаётся мало, даже при самом положительном раскладе событий. И хочется прокрутить события жизни, многое вспомнить, ведь это путешествие в жизнь больше не повторится. Не любить свою жизнь невозможно, потому что это драгоценный подарок от Господа. Конечно, особенно в старости чувствуются усталость и болезни, но ведь ты дожил до старости!

К этому времени, как правило, начинает вырисовываться причина и следствие твоего пребывания на земле. Ты начинаешь понимать, что появился тут вовсе не случайно. На тебя как будто возлагались определённые надежды, а для их осуществления посылались знаки. Они были тихие и, чаще всего, ненавязчивые, но ты должен был их услышать. Для этого следовало жить умно и быть внимательным. А что, если ты не оправдал, если не понял порученного тебе дела, и жизненное время, как даром потраченные деньги, пошло прахом, — кто потом сделает эту работу за тебя? И как, вероятно, часто приходит-

ся Всевышнему начинать всё сначала, чтобы осуществить, в конце концов, свой замысел.

Прокручивая назад свою жизнь, мне хочется испытать, прежде всего, атмосферу счастья, которая окружала меня все 80 лет жизни. Конечно, на деле все было, как у всех. Со мной случалось всякое, приходили огорчения, несчастья, болезни, но уделив всякому негативу положенное время, я карабкалась наверх, поднималась из глубины на поверхность, чтобы глотнуть полной грудью радости бытия. Мироззрение, — это умение одни факты жизни считать случайными, а другие закономерными. Для меня закономерностью было пребывание в состоянии счастья. Но слово «счастье» расплывчатое и неточное, и даже слишком омирщвлённое. Для христианина счастье — это ощущение Благодати, которая исходит от Господа нашего Иисуса Христа. И пусть это не покажется дерзким и самонадеянным, но так и есть, — Божья Благодать меня в этом мире встретила при появлении на свет. А потом я была ею хранима и одарена. Это я понимаю и ощущаю по сей день. Слава тебе, Господи!

В подлунном мире уже две тысячи лет не тайна, что Иисус Христос — Един Свят, Един Господь. Людские сомнения и заблуждения мимолётны, люди воодушевляются несогласием, протестом, бунтом против Высшего порядка на земле, но это не меняет положение вещей: Иисус Христос во все времена остаётся неоспорим. Он сказал: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие небесное», и Слова, сказанные Им, никогда не «прейдут». До Рождения Христа человечество и вовсе посылов не слышало, ведь главная задача жизни ещё не была сформулирована. Человек балансировал между дикостью и праздностью. Бог Слова пришёл на землю, чтобы объяснить уже не через знаки, а словами, что цель человеческой жизни, — Богообщение и Спасение. Апостолы разнесли эту Благоую весть, это серьёзное поручение по всему миру, и человечество узнало, что условием спасения является ВЕРА, доверие к замыслу Небесного Отца. Всё в мире творится ради этого замысла: мирная, спокойная жизнь, природные катаклизмы и войны, перетасовка материков и переселения народов. Христос назвал себя Сыном Божьим, и такое в подлунном мире прозвучало впервые.

Дохристианских греческие эпосы пестрели сынами и дочками грозного божества по имени Зевс, но то были просто сказки для не подростшего, «не взросло-го» мира людей. Иисус Христос пришёл предупредить, что детство человечества кончилось, Он был послан Отцом для серьёзного разговора, и о том свидетельствовала Его Крестная смерть. С того дня Крест несёт каждый житель земли, даже если он не считает себя христианином. Людские сомнения и заблуждения обязательны, но если ты человек, то есть творение, то другого пути, кроме Крестного, у тебя нет. Ты всегда идёшь вослед за Спасителем человечества, Сыном Божьим Иисусом Христом. Каждый узнаёт об этом в течение своей жизни, и Благая Весть найдёт каждого человека обязательно. Другое дело — согласишься ты её принять или нет, решение за тобой, потому что Спасение души — дело глубоко личное. В разные моменты жизни человека выбрасывает на «узкий путь», который единственный и ведёт к спасению. Можно испугаться и не принять, тогда ... Кто знает, что произойдёт тогда, но лучше всё же вступить на этот «узкий путь», потому что, как известно, согласного ведут, а несогласного тащат. Лучше пойти с готовностью на встречу с Господом, в надежде обрести Благодать и Спасение. Проводники и Помощники всегда будут рядом. Вот о них и для них, о тех, кто были, о живущих и живших рядом, о людях близких и необходимых, готовых протянуть руку помощи, услышать просьбу и в мгновение ока, через молитву, отнести её Всевышнему, я и пишу.

ВСЁ НАЧИНАЕТСЯ ВЕСНОЙ...

«Господи, Боже наш! Как величественно Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! ...Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?... Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей, птиц небесных и рыб морских,

все, переходящее морскими стезями. Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!» (Пс.8)

...В марте весна приходила в южную часть России, тогда она называлась Киевская Русь. Под лучами солнца стремительно таял снег, щедро выпавший в зимние месяцы, и всё в природе готовилось к роскошному лету. В начале XI века Русь уже праздновала весной Пасху Христову, Воскресение Спасителя, который «смертию смерть разрушив». Сорокадневный пост тянулся долго, — время раздумий и покаяния, время судьбоносных решений.

Юная киевская княжна Анна Ярославна весной 1051 года готовилась отбыть во Францию, чтобы стать женой французского короля. Этого требовала политика, Ярослав Мудрый и его супруга думали о будущем Святой Руси, всех своих дочерей они сделали её посланницами в иноземных странах. Жизнь тех, в чьих руках судьба государства, им не принадлежит, — русские княжны с детства это понимали и готовились к неведомому и нелёгкому испытанию в чужой земле. Анна говела, ходила на исповедь и просила Господа не оставить её ради молитв Пречистой и Преславной Его Матери, Богородицы Марии. А ещё молитвенно приникала к мощам Святой Равноапостольной Ольги, Великой своей прабабки, с которой началось крещение русских князей в веру Христову. Послы от французского короля Генриха прибыли после Пасхи, а в далёкий путь тронулись на Вознесение Господне ...

...С Анной Ярославной меня связали общие корни, мы с ней из рода князя Рюрика. Он был родоначальником высших княжеских фамилий. Не надо путать их с дворянами. Дворяне, — это изобретение Петра, и, увы, происходят от слова «дворня», дворовые люди. От Рюрика произошла феодальная знать, люди «голубой крови». Некоторые из них записываться в «Бархатную книгу» дворянских сословий погнушались. Но теперь титул дворянский существует, а понятие «феодальная знать» ушло в Лету. На свете много людей, несущих в себе гены древние и знаменитые, и потомков князя Рюрика тоже немало. Это важно — помнить своё происхождение и интересоваться родословной, потому что память — это и есть культура. К тому же, связь с прошлым — главный

«оберег» любого человека, ведь достойный предок молится там за потомка, а недостойный — и такое бывает — ждёт от правнуков молитв за грешную душу свою. Связующая нить не рвется. В дохристианские ещё времена наши предки-славяне в минуту опасности призывал — «чур меня!» Что значило — спаси меня, пращур, помоги мне, дед!

...Анну Ярославну ожидало много трудностей. Латинский язык она знала, при дворе Ярослава Мудрого им пользовались так, как нынче английским. Когда прибыли послы Генриха I, брат Анны выехал встречать их к Золотым воротам. Французы замерли перед ними! Красота славянского града Киева, который поднимался вверх за этими небывалой красоты воротами, стремился ввысь золотыми главами и Крестами — была непередаваемой. Сын русского князя заговорил с послами на латыни, учтивость и образованность княжеской династии Рюриковичей была несомненна, о красоте и уме невесты, молодой княжны Анны, при французском дворе были наслышаны. Послы убедились при личной встрече, что молва не приукрасила её достоинств, изумительные золотые волосы, серо-голубые внимательные глаза и стройная лёгкая фигура запоминались при первой встрече. При втором свидании пронизательный епископ Роже понял, что главное в Анне не красота, а её редкий для женщины ум и православное воспитание. За долгие годы, которые он провёл потом рядом с королевой Франции, он не изменил своего мнения. В 1051 году была сыграна пышная свадьба, Генрих I и Анна Ярославна стали мужем и женой. Анна клялась в верности Франции и супругу на Евангелии, привезённом из России, и подписала документ своим именем: — «Анна». Французский король поставил вместо подписи крестик. В письме отцу Анна впоследствии написала: «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны».

...Последние дни июня уже грустны. После 23 числа день начинает уходить, на секунду, на две, суточное светлое время неуклонно уменьшается. Подъём окончен, впереди предстоит спуск в осень, в зиму. Но в окрестностях Парижа и южной России ещё по-летнему тепло, дождливо и душно, милая лет-

няя духота настояна на тонком аромате жасмина и роз, — это доцветают последние главные цветы летнего периода. С этим ароматом надо проститься до следующего года. Как и с ароматами сирени, пионов, липы, черёмухи. Потом начинается период цветов скромных, полевых, с неяркими маленькими венчиками и едва уловимым запахом. Мы недостаточно восторгаемся порой цветения, его разнообразием, а между тем цветы свидетельствуют о нескончаемом милосердии Творца к человеку, о его желании по-отечески обрадовать нас, вызвать доверие. Ласковое лето каждым своим днём, солнечным или даже грозовым, заставляет нас восклицать вслух или про себя- «Какая красота! Слава Тебе, Господи!» И в России, и во Франции, и в Киеве и в Париже каждая весна и каждое лето — подарок человеку, живущему в Божьем мире. Но разве знает он — доживёт ли до следующих тёплых дней? Нет!!! Никому не дано знать, настанет ли завтрашний день, потому что «в животе и смерти Бог волен!»

Идя по жизни невозможно не заметить связь всего, что происходит с тобой. Каждый человек в моей жизни и каждый поступок — это шаг на пути. К сожалению, почти всегда вполне понятый только потом, когда исправить ничего не возможно. В немногих снах, которые я помню всю жизнь, есть томительная тайна предчувствия судьбы. События, которых не было в действительности, странно состоят из мельчайших деталей, рождённых мгновением сна. Вот я стою на высокой горе, вижу крутой спуск и узкую опасную лестницу, которая ведёт вниз к подножью. Хочу идти по ней, но боюсь. И тут появляется моя бабушка Наташа с большим узлом выстиранного белья и достаёт из него красивый розовый костюм, — длинная юбка и узкая кофта с рюшами. Она расстилает измятый стиркой костюм на траве, разглаживает его рукой: — вот, это тебе к свадьбе! А теперь давай спускаться вниз. Я робею и говорю: — я Юру подожду! А бабушка в ответ — чего же ждать? Сама к нему иди потихоньку! И я иду...

...Платье в этом моём сне было русское. Древнее. Знакомая фактура материи, она — домотканая. Такую умела делать, то есть — ткать, моя бабушка Наташа. В деревне Боровково, что под городом Тулой, девочкой ещё, она по-

могала матери: готовили пряжу, ткали материю и шили одежду на большую семью. И потом кусок такого полотна на русскую юбку бабушка мне подарила, вынула из заветного сундука и подала: «Пригодится, сошьёшь себе...» Я ничего сшить не удосужилась. И вот во сне получила в подарок розовое платье к свадьбе. Кто надевал в старинные времена такое же: с оборками по подолу длинной юбки, с красиво отстроченным лифом и широким у плеча, но красиво суженным возле кисти рукавом? Почему-то я сразу решила: Анна Ярославна приехала в таком к жениху, французскому королю Генриху. А я, Ольга Ростиславна, в похожем платье должна была повторить её путь — двинуться из России во Францию и выйти там замуж за Георгия Всеволодовича, за дорогого моего Юру. Но только вот возраст у меня был совсем другой — поздний. Тронулась я в путь в середине июня, а цветы ещё всю благоухали и в России, и во Франции...

ВСЁ ПО ПОРЯДКУ...

Мой муж Камилл Икрамов умер в городе Кельне в 1989 году. В Германию лечиться его пригласило антифашистское сообщество. Лечили долго и хорошо, но спасти Камилла не удалось. Связь с Германией, однако, не прервалась, из дружеской превратилась в родственную, и теперь у меня зять и пять внуков, все граждане Германии. После смерти мужа и отъезда дочки Ани в Германию, — я осталась с мамой в разрушенной перестройкой России, в городе Москве, в квартире на Ленинском проспекте. Была ещё одна квартира в этом же доме, Анина, которую я стала сдавать. Это был единственный источник денег, так как мне не было ещё пятидесяти и до пенсии надо было жить. Одной маминной пенсии на всё не хватало, потому что была ещё смешная и неудобная, но горячо любимая дача, — четверть дома и кусок земли. Всё это с соседями и неприятностями, но летом можно было выйти босиком, походить по траве и нарвать зелёного лука со своей грядки. И дача, и квартиры образовались случайно, их бы не было, если бы Камилла в 16 лет «друг детей» товарищ Сталин

не услал на каторгу, как сына «врагов народа». Врагами родители мальчика не были, а напротив, помогали строить Сталину советскую страну взамен прежней Великой России. Но, тем не менее, они погибли страшной смертью, а сын их Камилл вернулся к жизни без конвоя только в тридцать лет и почти слепой. Вот за эти муки и лишения мы имели жильё и кусок земли. Счастливы были безмерно, не замечая, что в глазах московской элиты такие смешные владения счастьем вовсе не считаются. Про московскую элиту сказать особенно нечего, но скажу сразу, что состояла она, как правило, из людей искусства, — писателей, поэтов, музыкантов, скульпторов, художников, диссидентов и прочих заметных людей. То есть, в дореволюционном понимании, это был свет, светские люди. Законодатели образа жизни и даже властители умов. Были среди них люди талантливые и не очень.

По первой профессии я была учителем музыки, в роду Монастыревых все музицировали. Став женой Камилла Икрамова, к тому времени уже писателя и журналиста с именем, я как бы приблизилась к московской элите. Можно было бы сказать — к творческой интеллигенции, но элита подходит больше. Всё же интеллигентов на свете мало и словом этим разбрасываться нельзя. С детства я была человек книжный и пробовала писать сама, но, разумеется, для себя, в стол. Камилл развил мои литературные способности, я стала сценаристом, писала для детского кино. И все-таки чувствовала себя, что называется, «сбоку припеку». Наши элитные знакомые были от природы острословы и называли меня «нацменьшинством». Само имя-отчество звучало вызовом, — Ольга Ростиславна! Как пошутил один наш друг: «Ещё немного — и Анна Ярославна!» Почти угадал! Меня это не огорчало, я сочувствовала многовековому комплексу моих товарищей по элите. Все же я, как не крути, родилась и выросла на своей природной русской почве. В нашем роду все были русскими, а мой папа, к тому же, был по рождению князем и носителем «голубой крови», хоть в советские времена этот факт симпатии не вызывал. Но мы с Инной наличие этого гена чувствовали и мечтали о культурных спутниках жизни, умных и начитанных, знающих музыку и поэзию, которые бы нашим за-

просам соответствовали. В результате наши избранники очень разнообразили нашу родословную, но вопрос национальных принадлежностей никого не волновал.

Первый мой свёкор, Гдаль Лейбович Краснянский, отец первого мужа Левы и дед дочки Ани, был добродушным и равнодушным человеком. Хорошо обеспечивал семью, любил приятно и с удовольствием проводить время. Иногда ходил завтракать в ресторан «Националь» в центре Москвы, выпивая бокал холодного шампанского и закусывая горячим и изысканным супом «Жульен». Мама Левы Евгения Михайловна была типичной москвичкой, красивой, нервной, и дома, и на работе всегда немного раздраженной... Моему появлению в их семье они не обрадовались. Двадцатилетняя девочка из Подмосковья с мамой учительницей всерьез, конечно, не воспринималась. Родителей второго мужа Камилла я знала только по фотографиям. Акмаль Икрамов был молодой партийный узбек, с древними арабскими корнями, — его род восходил к одному из создателей Корана. Его женой стала тоже неистовая якобинка, дочка московского врача, Женя Зелькина, близорукая и доверчивая умница. Вместе они учились в Красном Университете, преподавал им товарищ Сталин, собственной персоной. Сына своего они назвали Камиллом в честь Камилла Демулена. Вероятно, именно Жене Зелькиной нравился лидер французской революции, который призывал к взятию Бастилии и ратовал за казнь французского короля Людовика Шестнадцатого. Тогда эти молодые люди еще не знали, что революция, доставленная в Россию в почтовом вагоне, в полном смысле, из-за «бугра», тоже пожрет своих детей. В тридцать седьмом кровавом году они погибли. Женю, которой было 38 лет, зверски убили, растерзали в ташкентском НКВД, а её муж-ровесник Акмаль Икрамов, пламенный ленинец и первый секретарь узбекской компартии, после долгих мучений был расстрелян в Бутово. Мальчика Камилла отправили в ГУЛАГ и продержали там 12 лет. Такова судьба родителей Камилла, незабвенных моих свёкра и свекрови, у которых при жизни главным богатством был партийный билет, а после смерти не оказалось даже могил.

Родителями моего третьего, последнего мужа, русского дворянина Юрия Вербицкого, были ротмистр Гусарского Ахтырского полка Всеволод Николаевич Вербицкий, правнучатый племянник поэта Лермонтова, и дочь генерала, внучка владелицы богатой усадьбы, Никушкина Вера Николаевна. Достаточно сказать, что они считали себя истинно русскими людьми, не придавая значения немецким и шотландским корням. Они твердо верили, что Россию надо защищать, служа Богу, Царю и Отечеству, за что и были изгнаны из родной страны, когда в России были попораны именно вечные её устои: Бог, Царь и Отечество, и началась советская страна. Последний покой родители Юры нашли во французской земле, а их старший сын, названный при крещении Георгием в честь Победоносца, пережил эту советскую страну, и, когда она снова стала Россией, приехал ее посмотреть. Он оставил память о своих несправедливо изгнанных родителях, построив на свои деньги три храма в новгородской земле.

Мне интересно подробно писать про образовавшиеся вокруг моей жизни связи, переплетение потомков многих народов, издавна проросших на русской почве. Судьба России управляла судьбами россиян, в том числе и моей. В России каждый выбирал себе национальность сам. И если россиянин называл себя русским, то он таковым и являлся, какая бы кровь не текла в его жилах. Муж сестры Инны происходил из терских казаков с добавлением черкесской крови, отчего у моей племянницы Марины легкая фигура горянки и колоритный профиль. В России все всегда было тесно переплетено, — такова великая и огромная русская история. Она поднимается из неведомой глубины и неутомимо старается прорасти в небо, куда испокон веков рвется ее душа. Мне кажется, именно такая Россия в стихах моего дорогого друга, поэта Алексея Левшина:

И вот и день, брусничный день вставал.
И осень вширь, как на сносях, раздалась.
Россия, смыв с себя татар,
Старообрядческой улыбкой улыбалась.

По темным рытвинам просроченной земли,
По темным вывихам, ухабинам, по темным
Дождями смазанным, от горя вероломным
Полозья Русь по шороху несли...

Родина моя — бедное Подмосковье, если учесть, что детство было послевоенным, — я родилась в октябре 1941 года в разгар страшной войны, а осознала себя, когда эта война закончилась. Вокруг нас в подмосковной Балашихе жили такие же, как мы, по достатку и по составу семьи, — чаще всего одинокие женщины и дети. Было нас в семье трое, мама и мы с сестрой. Многочисленные родичи жили в Москве, и мы друг друга часто навещали. Мама была уважаемым в городе Балашихе человеком, учительница, член партии, а ещё жена пропавшего без вести на фронте учителя биологии и бессменного школьного завуча Ростислава Семёновича Сидельникова. Вот он-то, наш папа, и был чуть ли не главным источником культуры в нашем городке, за что его обожали ученики и уважали их родители. Папа занимался научной работой в области естественных наук и печатал статьи по генетике в научных журналах. Конечно, он скрывал, что в его жилах течёт «голубая» кровь и что по матери он принадлежит к роду сказочно-призрачного великого князя Рюрика, но впечатление на окружающих производил именно такое. Вот так и вышло, что по отцу в бабках у меня оказалась французская Королева Анна Ярославна.

СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ

С Камиллом мы встретились, когда Ане было 4 года. После смерти Сталина, Камилл, едва вернувшись из мест лишения свободы, начал энергичную жизнь, несмотря на один процент зрения. Он, получая высшее образование, одновременно сделался писателем, журналистом, сценаристом, литературным критиком. Казалось бы, полноценно вошёл в московскую элиту, но остался ранимым, чутким к другим, а потому — бессребреником. Это его выделяло.

До него в нашей семье уверенных в себе не было, Камиллу предстояло ломать тяжеловесные русские характеры, чтобы вывести их из привычного оцепенения. И мы все, спасибо тебе, Камильчик, смогли поднять планку. Он всех нас «делал», меня — литератором, дочку — известным композитором, племянницу — классным звукорежиссёром, сестру — кандидатом исторических наук. А в 1989 году, в 60 лет умер, вырастив любимую дочь Аню, которую удочерил всем сердцем и душой: « Ты была оправданием моей жизни», - сказал он Ане на прощание. С этими его напутственными словами она бесстрашно пошла в неизвестную ей жизнь и уехала, насовсем, из России. Мне было 47 лет, я осталась с 80 летней мамой, надо было вырабатывать способ существования в экстремальных условиях. В 90-х годах это было даже страшновато, но я любила Россию и умела в ней жить. После просмотра теленовостей и читки свежих газет, хотелось стать невидимкой и забиться подальше. Но, чтобы выработать способ существования, не надо оставаться дома, надо выходить на улицу. На улице, особенно днём, совсем не страшно, вот она, прежняя моя Москва! Почти прежняя! Вот я вышла на улицу, села в троллейбус, — еду на биржу труда. Потому что ни зарплаты, ни пособия, ни пенсии. И помощи ждать неоткуда. В память о страшных сталинских репрессиях создано недавно общество из бывших лагерников и тех, кто хочет знать правду о тех временах. Они требуют, чтобы КГБ открыло архивы, а ещё стараются поддерживать нуждающихся. Муж мой отбыл в лагерях и ссылках 12 лет, теперь я его вдова и нуждаюсь. Попросила в этой новой перестроечной организации помочь единовременно, что означало 200 рублей. Ответили мне по-старому, — то есть отказом. На том основании, что в момент ареста Камилла мы с ним не были официально зарегистрированы. Бесполезно было возражать, что ему на тот момент было шестнадцать лет, а мне два года. Не стала я ничего объяснять, потому что время такое, каждому эти двести рублей не лишние, работу многие потеряли... Стаж работы у меня, конечно, большой. Но толку с него мало. Толк надо ждать довольно долго, когда стукнет 55 лет, пенсионный возраст. Одним словом, одинокая и немолодая женщина, вдова, идет регистрироваться на биржу тру-

да. А что, вполне цивилизованное действие, раньше мы про такое только слышали! С чувством гордости иду, — вот какие мы нынче продвинутые, американско-европейскую жизнь налаживаем, а там и мышление их переймём в полном объёме!

Ну, вот, ищу между тем эту самую Биржу, плутаю по знакомым замоскворецким переулкам, и щемит где-то в душе, приятно щемит. Очень уж милые встречаются особнячки, очень уж о чём-то напоминают. О чём? Да ведь детство моё прошло здесь, у бабушки Наташи, на Большой Ордынке. Был конец войны, 1944 год, бабушка брала меня утром за руку, и мы шли добывать пищу. Вначале, помню, были карточки, мы отрывали маленькую бумажку и за неё давали хлеб, крупу, подсолнечное масло. И если по возвращении домой выпадало кусочек хлеба макать в блюдечко, куда чуть плеснули этого масла, да ещё его посолили, — тогда время шло незаметно и прекрасно, как бывает, когда наслаждаешься! Потом война кончилась, карточки постепенно отменили, и еда стала разнообразнее даже для тех, у кого не было достаточно денег. На углу Пятницкой улицы и Черниговского переулка ещё с досоветских времён был мясной магазин, мы ходили туда и вставали в очередь за дешёвыми котлетами. Очередь всегда бывала довольно длинной, начиналась на улице. Чтобы не скучать, я рассматривала огромную картину нарисованную красками на стене церкви Святого Иоанна Предтечи, это я уже потом уточнила. А тогда первоначальное назначение этого здания я не понимала, мне никто не объяснял, для чего была построена эта высокая башня, увенчанная Крестом, для чего большой тяжёлый колокол поднят на такую высоту, что надо задирать голову к самому небу и недоумевать, почему он никогда не зазвонит. С Православной верой русского народа советские власти боролись упорно и успешно. Я крестилась уже во взрослом состоянии. Тем более было полной загадкой содержание картины: красивой женщине преподносили на блюде человеческую голову. Голова была мужская, с бородой и длинными волосами, глаза закрыты, выражение страдальческое. Про то, что людей убивают, и не только на войне, я в свои пять лет уже знала. Но ни разу не слышала, что головы убитых

могут служить подарком. Сколько же мне ещё предстояло узнать в жизни! Надо было долго жить, чтобы в 70 лет прочитать обычную заметку в газете «Аргументы и факты» № 30 за 2012 год, которую я просто не имею права не процитировать здесь: «... в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме Царская семья и четверо её верных слуг были убиты большевиками, которыми командовал Юровский. Тела разрубили на куски и два дня сжигали в 20 км от Екатеринбурга, в районе Ганиной Ямы, используя бензин. А те кости, что не поддавались сожжению, растворили серной кислотой. Руководитель следственной группы генерал Дитерихс утверждал, что головы Царственных мучеников были отчленены и отправлены в Москву Ленину и Свердлову, чтобы у них и у их американских поделщиков не оставалось сомнений: семья русского царя уничтожена.... Известие об убийстве Государя (об убийстве Государыни и пятерых детей большевики сначала помалкивали) многими в России было встречено равнодушно...» Такой вот, как бы даже будничным, факт. Были, конечно, были свидетели того, как жадно разглядывал лысый и картавый человек Голову Царя Николая. Он видел страдальчески сомкнутые веки, за которыми угадывалась великая царская красота. Думаю, грозная и пугающая сила надвинулась тогда на вождя мирового пролетариата, грозная и вечная сила Святой Руси, и он задрожал, забыв, что эта Русь им повержена... Спустя совсем короткое время после этого события Ленин вовсе удалился от дел по болезни, сделался безумен, а потом и умер. На последних фотографиях бессмысленный его взгляд наполнен сумасшедшим ужасом.

Вот такие они, московские переулки! И тогда, и теперь обрушивают на тебя воспоминания разных лет, которые переплетаются и оказываются единым полотном, которую ткала старательно жизнь! Потом, позже, я попытаюсь соединить все концы русской истории за последние 80 лет, за те годы, которые последовали после страшного убийства царской семьи. Они стали историей моей семьи, моих родителей, моей собственной. Определили жизнь дорогих мне людей: Камилла, невинно с детских лет посаженного в тюрьму, и Юры, русского француза, всю жизнь тосковавшего по незнакомой России.

Эти 80 лет определили навсегда судьбу моей страны, Великой когда-то России, это моей стране в ночь с 16 на 17 июля 1918 года злодеи — большевики во главе с Лениным отрубили голову, как и её законному Хозяину — русскому Царю.

И, всё-таки, — вперёд, на биржу! Всё-таки отыскала я её местонахождение, хотя и не просто это оказалась! Не в небоскрёбе или каком-то заметном здании разместилось это важное для моего существования заведение, а как раз в особнячке незаметном на втором этаже. Восхожу по старинной чугунной лестнице, проникаюсь атмосферой прошлого уюта и заранее жду от этого места доброго результата.

«Ну, и чего? — спрашивает большая красивая женщина, — какая же Вы, гражданка, безработная? Идите в Госстрах и работайте, или вот в Собес, продукты пенсионерам разносить. Или страхуйте!»

Я пытаюсь подробно объяснить ей, как и что: по профессии — сценарист, член Союза писателей, решила встать на учёт, вдруг что-то по специальности получится делать. «Да ясно всё,- говорит женщина, поглядывая в уютное и милое оконце, — в Госстрах идите...». Я же, находясь в плену своей профессии, привычно отмечаю про себя все детали этой мизансцены: собеседница моя с её дородностью, причёской и статью, да ещё в старинном этом интерьере, тянет на героиню из пьес Островского. «Волки и овцы», к примеру. За оконцем-то — Замоскворечье, автор пьес про московскую старину жил как раз здесь неподалёку, в таком же особняке. Барственный, неторопливый, домашний вольный халат так подходил к его творчеству. В халате же и кресле навечно запечатлён в Москве памятником возле Малого театра, где продолжают идти его пьесы. Надо уходить, понимаю, что на учёт так просто не ставят! Как же мне, дурище, в голову не пришло, что если государство тебя «учло», то уже взяло на себя ответственность. Что-то надо потом с гражданкой этой предпринимать! То-есть, не с гражданкой, а с госпожой, потому что все мы теперь Господа. Перестройка нас перестроила и одарила новым титулом. Но если госпозу не учили, то пусть она кувыркается, как сама знает. Перед уходом в две-

рях слегка приостановилась: может, небольшой презент ей дать? Сейчас это очень принято. А сколько? Тем, чем я располагаю, только обидишь! Выхожу на улицу в хорошем боевом настроении. Ничего нового в этой бирже нет, — привычная, как родной ЖЭК.

...А в замоскворецких переулках пахнет свежим тёплым хлебом. В Замоскворечье всегда пахло хлебом и ещё шоколадом. Я иду через мост, — Господи, красота-то какая! Москва-река, Кремль, колокольня Ивана Великого, — торжество в груди и радость! И вот центр, вот Лубянка, куда везли арестованных во времена советского «беспредела» сталинских репрессий. Сюда 13 ноября 1942 года ранним утром чёрный «Воронок» доставил арестованного мальчишку-ремесленника Камилла Икрамова. Это были дни кровопролитных боев, мужчины, бравшие под арест мальчишек, наверняка были бы не лишними на войне. Камилла привели в кабинет, на него заводили «дело», а он смотрел на эту вот площадь, не понимая, что видит Москву в последний раз. Вот тот дом, вот третий этаж, на котором находился кабинет, только памятника Феликсу Дзержинскому тогда еще не было, а сейчас его уже тоже нет. Его сломали, разбили, снесли новые времена и люди. Стараюсь не смотреть на то место, где он стоял. Что мне до него, до этого «железного» Феликса? Всё правильно, и не нужно ему стоять здесь такому зловещему, в пугающей жёсткой шинели. Страшит только пустота и мысль, что я тоже больше не нужна в этой другой жизни. Вот я стою здесь и не знаю, как жить, а он, Феликс, лежит где-то на московских задворках, твёрдый, вытянутый, с чахоточными впалыми щеками. А Ленин, нехристь, крещенный в детстве, но не удостоившийся христианского захоронения, возлежит в мавзолее у стен древнего святого Кремля. Зачем они появились в судьбе России, эти нежити, что они сделали тогда с моей страной! И это никогда больше не вернулось обратно, сломано, исковеркано раз и навсегда, и только принимает новые формы, не совместимые с нормальной человеческой жизнью. Вот я живу на своей земле, как в эмиграции, и должна просыпаться от ужаса среди ночи, предчувствуя впереди голодное и холодное проживание, невозможность оплатить квартиру и купить медика-

менты. Страх незащищённости от грабежа и насилия. Боже, помоги! Больше мне в этой державе никто не поможет!

...Тогда и сейчас я не знаю, кому предназначены мои воспоминания. Читателя своего я не представляю. Иногда грядущий читатель обширен и бесконечен, как в случае Александра Пушкина, Льва Толстого, Федора Достоевского, их читает весь мир. Но это всё-таки счастливые и не такие частые случаи, а графоманов, любящих водить пером по бумаге, гораздо больше, и я одна из них. Но подозреваю, что любая человеческая деятельность осуществляет себя именно для Всевышнего, именно он её прямой заказчик и ценитель, как и сказано в Притчах о талантах. Получил при рождении, сколько положено талантов, — изволь преумножать, не смей зарывать в землю. Нашему Творцу и Отцу Небесному обязаны мы радостью участия в этой жизни, каждый в меру своего таланта. Закон нравственный, вложенный в нас свыше, предписывает созидание и запрещает разрушение. В вечном споре Божий промысел и сатанинский замысел. Писать надо, если Бог дал талант свидетельствовать о Славе Его, о торжестве главного Его Закона — Любви. «Заповедь новую даю вам: Да любите друг друга!»

Самая Главная книга в мире — Библия, но как трудно она читается! Человечество всеми силами желает показать, что проживёт без этой книги. И, правда, малое место ей отведено в нынешнем мире. Но невозможно себе представить мир, в котором Библия исчезла или вовсе никогда не появлялась. Её время всегда впереди! И всё-таки будущего читателя надо хоть отдалённо наметить. Пусть это будут мои родные по генам, по крови, потомки мощного рода Монастырёвых, с которыми я всегда чувствовала связь. Упомянут этот род в словаре Брокгауза и Эфрона: Монастыревы — древний боярский род, происходящий от князей Смоленских. Его возводят к жившему в XIV веке смоленскому князю Александру Монастырю. Один из его сыновей Димитрий убит в 1378 татарами в битве на реке Вожа. По другим сведениям — он погиб на поле Куликовом в 1380 году и упомянут в русской летописи среди убитых князей в момент, когда над ними плачет Дмитрий Донской. Монастыревы

еще встречаются иногда в подлунном мире, обладая удивительной схожестью между собой. Гордые, не забывшие своё княжеское происхождение, среди них много ярких, талантливых людей. Они всегда любили учиться и получали хорошее образование. Среди них попадались люди разных профессий: моряки, лётчики, адвокаты, инженеры, архитекторы, поэты, музыканты, священники, учёные, писатели, богословы, спортсмены... Палитра обширнейшая. Рождались и жили с жадным интересом к происходящему вокруг. Отметились, можно сказать, в очень многих моментах русской истории. На поле Куликовом пал вышеупомянутый Белозерский Князь Дмитрий Монастырёв, в истории отношений Царя Ивана Грозного и Воеводы Андрея Курбского участвует некий Монастырёв, среди стрельцов, которым Пётр Первый рубит головы на Красной площади, двое стрельцов называются Монастырёвыми. Последний земельный вклад в Кирилло-Белозерский монастырь делает наш Монастырёв в XV веке. Не до конца ещё понятый русский композитор Модест Мусоргский тоже из рода Монастырёвых. Думаю, о каждом Монастырёве можно было рассказать историю, каждый оставил после себя какой-то особенный след.

Детей у Монастырёвых было почти всегда много. У моей прабабушки Марии Андреевны — одиннадцать, а у бабушки Людмилы Александровны, в девичестве Монастырёвой, матери моего отца, — девять. Вот в память о моих изумительных предках Монастырёвых я и буду писать эту книгу. Живы ещё мои троюродные сёстры и их дети. Отважно живущие в этом трудном мире, не богатые деньгами, но наделённые способностями жить ярко, талантливо, заметно. Им будет понятна моя затея. И многое они угадают, читая между строк. Нам выпало трудное время! Потомки не дворян петровского времени, а Феодалной Знати, истовых старообрядцев, мы родились в безбожное время, жили в нём и соответствовали ему. О том, какие мы и достойны ли Великих Православных предков, говорят наши дети и внуки. Среди них нет людей, проводящих жизнь в праздности, нет пьяниц и дураков. А значит Бог не оставил Монастырёвых, мы выжили по молитвам наших дедов. С честью, за очень редким исключением, стойко перенесли мои Монастырёвы дьявольское советское

время. Не теряли друг друга, по возможности, несмотря на строптивые, часто неуживчивые характеры. Принадлежность к древнему и славному роду служила паролем и объединяла нас.

СУТЬ МИФА

«Восстань, Господи, да не преобладает человек, да судятся народы пред лицом Твоим. Наведи, Господи, страх на них; да знают народы, что человеки они. Для чего, Господи, стоишь вдали, скрываешь Себя во время скорби? По гордости своей нечестивый преследует бедного: да уловятся они хушрениями, которые сами вымышляют». (Пс.9)

Интрига каждой человеческой жизни от сотворения мира и до сего дня заключена в отношениях человека с Богом. В этих отношениях, как бы абсурдно это не звучало, есть риск не только для человека, но и для Бога. Жизнь в общении с Богом, — это созидание самого себя, творческое возвращение души. Ощупью, медленно идём мы навстречу Вечной Любви. Строишь себя, как бы уже построенного, получаешь то, что уже имеешь, чтобы наконец принять Дар жизни и осмыслить его. Путь к Богу — это путь к себе, это творчество, т.е. употребление с пользой данных взаимности талантов. Если не зароешь их в землю — угадаешь Божий промысел о тебе, а если Богу будет угодно, то и воплотишь его. Путь проходит по острию бритвы, но не бойся, когда решишься отправиться в путь, Бог тебе в помощь... Мой путь был большой милостью, потому что я пришла к Юре, Георгию Всеволодовичу Вербицкому, и вместе мы пришли к разрушенному храму Святой Великомученицы Екатерины. Может быть, этот храм и был Божьим Промыслом обо мне, определил мою нужность на земле. Советская власть этот храм разрушила, и восемьдесят лет он лежал в руинах. А затем немолодая женщина, пенсионерка из России и пожилой Господин — пенсионер из Франции, оба русские и не потерявшие интерес к жизни, должны были встретиться в некоей точке вселенной, найти этот разрушенный храм и восстановить его. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутилась в сумрачном лесу». То есть, я очутилась во Франции. Пред-

стояло огромное дело, фактически жизнь почти в 60 лет начиналось вновь. Рисунок судьбы у каждого человека творится ежесекундно, но важно, чтобы в него не вплеталось зло. У зла нет прав и места в мире, и противостоять ему возможно через устроение своей жизни в согласии с Истиной. Другими словами, надо искать в себе самом Божью Благодать, потому, что она каждому дана. Надо эту Благодать найти и пользоваться ею. Признаки Благодати определил Апостол Павел: плоды Духа Святого — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание и возрастание в этих качествах. Надо поймать некий луч и следовать в его тепле и защите. Слово «луч» созвучно слову «случай». Случай свёл нас с Юрой, на нас упал Луч, и мы постарались не потерять его. Мы строили нашу совместную жизнь, а я параллельно находилась в воспоминаниях прежней. В это время я шлыла по волнам памяти, я писала книгу, к которой шла всю жизнь: «На что душа моя оглянется». Воспоминания мои вплетались в контекст настоящего. Бывает, что самый незначительный эпизод, маленький штрих очень важен и запоминается на всю жизнь.

Вот, например, вспомнился телефонный звонок из Германии. Звонила Аня из новой своей жизни с мужем немцем и сыном Матвеем. Решительно ищет там своё место, а это значит — работает день и ночь. Звонит часто, даже по ночам: «Мамочка, давай поговорим!» Всё там другое, и она там — одна. Без Камилла, который любил её беззаветно, без меня и без бабули. Рассказала, что ездила в Берлин по делам, жила на окраине в квартире под крышей. «Вечером вдруг вспомнила наши вечера на даче, как ходили в гости к Калашниковым «на рюмку чая». Увидела нас, — на террасе под красным абажуром или у костра. Было грустно и одиноко, я плакала. Если бы папочка не умер, — никуда бы не уехала!» Бедная моя девочка! Представляю окраины мрачного и тяжёлого Берлина. Плакала в чужом месте, как Герда в комнатке на чердаке. В семь лет Аня написала музыку к балету «Снежная королева». Там было семь действий, показ должен был занять несколько вечеров. А главной героиней балета была, конечно, Герда. Она металась по всему свету в поисках Кая и её сопро-

вождала одна и та же музыкальная тема. Кто-то из взрослых композиторов заметил Ане, что она могла бы как-то разнообразить музыку. «Нет,- сказала Аня, — Герда всегда одна и та же, и всем, с кем встречается, повторяет одно и то же. И поэтому она находит Кая».

Сколько счастья принесло мне рождение дочки. Брак наш с Лёвой распался до её рождения, я уехала из Москвы опять к маме, на Балашиху. Просто вдруг на седьмом месяце беременности собралась, когда муж ушёл на работу, и ушла. Всегда знала, что он любит не меня. Любит Галю из соседнего дома, а она замужем и сынок у неё растёт. То есть, Лёва ей ни к чему. Вот так я и появилась в его жизни, когда мы оба поступили в одно музыкальное училище и на один курс. Я-то сразу влюбилась без памяти, а дальше была долгая морока, в результате которой мы поженились. И вот Анечка родилась холодным февральским утром в больнице города Балашихи, где когда-то сестру Инну и меня родила и наша мама. Теперь они все пришли в больницу навестить меня. Марине было шесть лет, она была в белой шубке и держала в руках апельсин. «Ну, вот я его и передам твоей сестричке», — сказала знакомая нянечка. На Балашихе нам все были знакомы. «А разве она уже может руками взять?» — удивилась Марина. Ей было трудно принять новую девочку, потому что она любила меня не просто сильно, а даже маниакально. Готова была следовать за мной повсюду, лишь бы видеть любимую «Татулю». Этой любви и привязанности она осталась верна всю мою жизнь. Каждый вечер в моё французское одиночество прилетает телефонный звонок из Москвы. Чаще всего, он единственный за весь день, и я благодарю Господа, что у меня есть Марина. И вот мы с Аней лежали рядом в родильной палате. У меня были послеродовые сложности, а девочку запеленали и положили рядом. В первый раз я увидела её, когда она вышла из меня в этот мир и тут же громко закричала. Крупный и сильный ребёнок с громким голосом явился в мир! Теперь, вымытая и запелёнатая, она проявляла данный ей Богом характер: пыталась высвободиться из пелёнок. Маленькое личико было сосредоточено и выражало непреклонное желание свободы. У неё получилось, к удивлению медперсонала. А потом

она громче всех из новорождённых требовала еды в положенный час кормления, с нетерпением брала грудь, дольше других детей сосала её, а затем снова кричала, возмущённая малым количеством молока в маминой груди. Голос дочки я узнавала сразу и радовалась ему, а нянечки и медсёстры совсем потеряли покой. Ночью я вставала с постели и шла по коридору в отсек, где за стеклянной перегородкой лежали новорожденные, свою дочку я сразу находила среди других беленьких «коконов». Дети обычно лежали на боку, и я видела Анечкин профиль, часть щёчки и приподнятый носик. Я стояла и подолгу смотрела. Забрать нас пришли мама, Инна и ее муж Владик, замечательно добрый человек, с которым я дружила. Анечку завернули в красное ватное одеяло, но лента, которой одеяло перевязали, была положенного розового цвета. Через два года муж Лёва искренне захотел стать папой. Начал ездить из Москвы в Балашиху, привозить подарки. Ему хотелось гулять с дочкой, но она орала, когда видела его и отказывалась с ним общаться. Это было странно, ведь ни я, ни кто из моей семьи не показывали своего нежелания, даже наоборот — были рады случаю представить языкатым соседям Анечкиного папу. Но Аня протестовала буйно, и Лёва разводил руками: «А где же голос крови?» Однажды, когда он почти насильно схватил её на руки и пытался посадить на закорки, моя трёхлетняя девица не только истошно завопила, но и описала его с ног до головы. Пришлось ему затею с приездами оставить, нас больше ничего не соединяло, даже родная дочка. Мы насовсем расстались, и тут очень скоро я встретила Камилла. То есть, мы всей семьёй его встретили, поехав отдыхать в Коктебель.

Мы сняли две комнаты недалеко от моря, утром я с Мариной и Аней шла купаться, потом на пляж приходила мама, следила за девочками, а я надолго ушльвала. Плавала я всегда параллельно берегу и заодно его рассматривала. Большую часть занимал пляж Дома писателей, видны были компании неспортивных людей в трусах и слышен их громкий смех. С одним писателем я вскоре познакомилась, это был Камилл Икрамов. Все говорили, что он похож на Пьера Безухова. Действительно, Камилл был большим увальнем и добряком.

Он сразу ко мне прилип, а я испугалась. Мне было двадцать девять лет, Камиллу на четырнадцать лет больше. Но напрягала не разница в возрасте, а непонятность его натуры. Именно «непонятность», а не загадочность. Очень общительный, любитель развлечь общество, интересный рассказчик и умница, Камилл, казалось, прятался за своим чрезмерным оживлением. Глубокая трагедия таилась в его душе и за толстыми стёклами очков, — он почти ослеп в заключении, где пробыл с шестнадцати до тридцати лет. Тяжело соприкаться с трагедией, не всегда это по силам, и я попыталась прекратить знакомство, но Бог судил иначе. Именно четырёхлетняя Аня приняла моего друга Камилла сразу и безоговорочно, диковатая и немного странная моя девочка угадала с первого взгляда единственно возможного для неё отца. «Как бы мне тебя папой случайно не назвать» — сказала она однажды, делая вид, что не замечает моего сердитого недоумения. «Ну, что ж, — назови!» — ответил Камилл. Вот так сначала он стал папой, а потом моим мужем. Так началась их великая любовь и доверительная дружба, которые продолжались до конца его жизни на земном уровне. В этом я уверена.

...А я, между тем, иду по городу Москве, не спеша люблюсь Замоскворечьем. Камилл очень любил эти места. После ареста отца он стал жить у бабушки в Черниговском переулке, а я до школы жила у бабушки на Большой Ордынке. Мы жили по соседству, но не совпали по времени. Камилла арестовали в 1942 году, через год машина насмерть задавила здесь же, на Большой Ордынке, его бабушку, Льва Захаровича Зелькина. Он был известный в округе врач, даже лечил до войны мою тётю Надю, бабушкину младшую дочь. Он был философом и любил огорошить собеседника вопросом «А жил ли на свете Лев Толстой?» Дедушка был единственным оставшимся в живых родственником Камилла. Смерть его была не случайной. Уже была замучена дочь Женя, расстрелян зять Акмаль, и пять братьев Акмаля, — теперь настала очередь бабушки. Это был жуткий, нечеловеческий, но тщательно срежиссированный спектакль. Льва Захаровича пригласили будто бы к больному, жившему через дорогу. Когда он стал переходить её — выскочила машина, промчалась на

предельной скорости, — и водителя-убийцу никто потом не искал. Дома осталась посылка, собранная Львом Захаровичем для отправки в тюрьму внуку. Потом добрые люди переслали Камиллу эту посылку, последнее, что было собрано для него дедушкиными руками. Это всё произошло в 1942 году, а мы с мамой вернулись из эвакуации в 1944...

Мы с Камиллом любили гулять по Москве. Укладывали Аню спать, выходили и шли, а возвращались далеко за полночь. Мы непрерывно и воодушевленно разговаривали, и чаще всего о литературе. Камилл обладал удивительными знаниями по русской литературе и поэзии. Массу стихов он знал наизусть. Я слушала с восторгом интереснейшие лекции, бесценные для моей будущей работы. В то время я ещё работала музыкальным работником в детском саду и преподавала в музыкальных классах теорию музыки. Но писать мне всегда хотелось, я сочиняла стихи, басни и даже иногда гекзаметром. Когда я читала это Камиллу — он смеялся, — «Гомер ты мой!», и хвалил: — «Талантливо!» Он вообще радовался чужим талантам и успехам, продвигал и горячее всех защищал многих своих пишущих друзей: — Володю Войновича, Олега Чухонцева, Таню Бек и Гошу Полонского. Им тоже он открывал свои удивительные прозрения в литературе, и, в конце концов, написал уникальную работу, совершив прорыв в литературоведении. Он взял творчество Льва Толстого, Достоевского и Булгакова, чтобы поговорить с читателем об ответственности писателя перед обществом. Статью Камилла «Постойте, положите шляпу» так и не поняли, или — не захотели понять. Но, тем не менее, похвалы людей его очень воодушевляли. «Детей своих друзей я люблю больше, чем друзей» — часто говорил он, и дети друзей избирали профессии художников, врачей, звукооператоров, а наша дочка Аня стала композитором. С пяти лет она стала сочинять авангардную музыку, и когда её ругали и пытались вернуть на традиционные созвучия, Камилл резко и категорично это останавливал: «Ты талант, кутенька! Они ничего не понимают, ты только меня слушай!». Аня слушала только папу, и как жаль, что он умер, не узнав, что со своей авангардной музыкой она объехала много стран и получила в Германии премию

«За вклад в искусство». Ну, и я, под действием магического слова «Талант», стала профессиональным литератором.

...Всё прокручивается в голове одновременно, и прошлое, и настоящее. Перед глазами подъезд, выходящий на Большую Ордынку, из которого выносили гроб бабушки Наташи. Было 10 декабря 1966 года, шёл не снег, а холодный дождь. Капли упали на бабушкино лицо и остались круглыми. Они не растекались, потому что лицо моей любимой бабушки тоже было холодным. Это был первый и самый сильный ужас моей жизни. Помню тоску, которая долго потом ещё сжимала сердце от безысходности. А недалеко от этого подъезда, совсем рядом, на выходе из Черниговского переулка, в 1942 таинственная черная машина насмерть сбила дедушку Камилла Льва Захаровича.

Но всё же я возвращаюсь домой после похода на биржу, спустилась в метро и на эскалаторе услышала разговор двух мужчин: «Слышал, Вася — окурочок умер. В пятницу хоронили. — Слышал... Его, вроде, убили». «Конечно, убили! Морду-то изуродовали — не узнать! А кто, почему — не известно... Выпимши был. — Ну, понятно...» Надо же так человека назвать — Вася-Окурочок, нарочно не придумаешь! И как он, бедный, мог еще по другому жизнь свою окончить, Царство ему небесное! Только так:- избили, изуродовали! Я всегда этих «бедолаг» представляю новорожденными. Пяточки розовые, тельце мягонькое, крохотные пальчики, такие же, как у Анечки. А потом вдруг образуются из этих нежных детишек нескладные мужики, похожие на корявые корни. Жалко! Людей жалко. На выходке из метро торговали яблоками. Пожилая женщина объясняла продавцу: — «У меня руки обморожены и мёрзнут всегда. Даже в тёплую погоду!» И показывала ему ладони, чтобы посмотрел и пожалел её. Понятно было, что ей хочется яблок, а денег нет. Надо бы уйти, а ей совестно, что не купила. Вот и плетёт от смущения про руки. И тут я почему-то заплакала. Шел 1991 год. Я почувствовала, что старею. Или — нет, — уже постарела.

ИЗ РАННЕГО

Это было утром, в сентябре, бабушка разбудила меня: — «Олечка, дедушку нашего машиной сшибло». Домик у нас деревянный, половина только наша. Перегородка, за которой соседи — странная, не до потолка. Наверху какие-то мешки и на них всегда спит наш кот Мурзик, — сядет и уткнётся носом. Мурзик спит, как дедушка Федя, тот тоже положит голову на руки и засыпает прямо за столом, а волосы у дедушки серебряные, блестящие... Бабушка убирает со стола и ругает дедушку за то, что опять выпил и заснул. А знакомым она всегда говорит, что дед очень устаёт, работает много, несмотря, что старик. И ещё бабушка рассказывает, что вышла за него не по любви. Была сиротой, жила у тётки. А Федя жил у своей тётки, и тоже ни отца, ни матери. Жили все в казарме, работали на реутовской прядильной фабрике, все друг друга знали, вот тётки и сосватали их. А бабушке другой нравился, светловолосый. Думала, в церкви откажется, когда священник спросит: своей ли волей идёшь? А священник, старичок пьяненький, вместо этого сказал: « Ты его жалей, он ноги отморозил». Это про то, что жених ходил в дальнюю церковь заказывать венчание, а мороз был несусветный. « Вот,- говорит священник,- жалей его». Так бабушка и вышла не по любви. Солнце лежит на полу оконным квадратом: «На шоссе подобрали утром. На виске только синяк, и всё...»

По ночам дедушка часто ходил пешком на Балашиху, там жили мама и Инна. А я жила с бабушкой и дедушкой в подсобном хозяйстве, которым дед заведовал. Шел 1947 год. С едой было плохо. До Балашихи было недалеко, километров десять. Дедушка брал что-нибудь из еды — картошку, свёклу, морковь, иногда немного молока, и выходил вечером. Шел ночью, отдавал всё маме и шёл обратно. Утром ему надо было идти на работу. Так мы выживали. Мое детство прошло с родителями мамы, бабушкой Наташей и дедушкой Федей. Дедушка смешно называл меня: белосветная баловница. А вот родителей папы я не знала. Дворянка и Белый генерал Царской Армии в рабоче-крестьянской России выжить не смогли.

ПЕРЕМЕНЫ В ЖИЗНИ

Маме часто снились разные сны, и все были, что называется, в руку. А накануне важных семейных событий она видела и вовсе нечто пророческое.

СОН МАМЫ №1

Работаю я в горкоме партии, вроде даже секретарём. Подходит какой-то начальник и спрашивает:

— Вы эти конверты трогали?

— Никаких конвертов я не трогала!

— А почему же они подшиты?

— Не знаю, я ничего не трогала!

— Ну, что ж! Буду говорить с начальством, чтоб Вас отсюда убрали! Вы не можете здесь работать!

— Мне понятно, почему не могу работать в горкоме: из-за моего мужа. Не надо говорить с начальством. Я сама уйду!

СОН МАМЫ №2

Стою с отцом на улице, а он такой, как до войны,- молодой.

— Зайди к нам как-нибудь, посмотри, как мы живём, — говорю ему, а сама плачу

И у него слёзы:

— Зайду, — говорит.

Лицо бледное у него, сам худой сильно, усталый. Я его погладила по руке:

— Ты ешь получше...

Улыбнулся:

— Я ем...

— Найдёшь нас? Балашиха, улица Центральная, дом пять.

...Вечера на Балашихе хорошие в любое время года. Кончают работать предприятия и ущемлённая ими за день природа отыгрывается. Если зима, то пахнет снегом и вымороженным бельём, если весна или лето, — лесом и рекой. А осенью можно не торопиться домой, постоять немного у подъезда, по-

смотреть, как ползут серые низкие тучи. Дождик моросит, ребятишки все в сапожках резиновых по лужам топают. Детей в нашем доме много было, квартиры долго ожидали и детей, не теряя времени, заводили, чтоб, значит, жилплощадь побольше получить. У Клавы Бузиной, что с третьего этажа, детей не было. Мать с ней жила, тётя Поля, ей за семьдесят лет, да и самой Клаве все пятьдесят. Жили они беспокойно, Клава всегда что-то фантазировала и волновалась: «Ну, вот! Опять военный пошёл!» — жалуется она женщинам у подъезда. Те отвечают, как ни в чём не бывало: « Живёт недалеко, небось... Вот и ходит». — «Шпион, сразу видно! За мной следить послали!»

Внешность у Клавы нормальная, даже симпатичная, никогда не скажешь, что больная. «Не городи!», — останавливает дочь тётя Поля. Та не унимается: « А я знаю, что сделаю! Я топор возьму, подкараулю его и зарублю — не шпионь! У нас и в доме шпионы есть. Вон Клавдия Фёдоровна над нами, директор школы, а у неё аппараты разные и она ими подслушивает!» Женщинам Клавины бредни слушать интересно, они её подначивают: «Тебя, что ли, Клаш?» «Меня, а то кого же? Вон сейчас, я видела, к ней мужчина прошёл. Так он из КГБ!» И правда, к моей маме, Сидельниковой Клавдии Фёдоровне, директору балашихинской школы рабочей молодёжи, которая проживала в этом доме со мной, дочерью Ольгой и новорожденной внучкой Аней, в этот день приехал из Москвы родной брат. Было пятнадцатое ноября 1966 года. Брат Борис привёз письмо, которое пришло на его адрес, для передачи маме, его родной сестре. Вот его текст:

«...Клавдия Фёдоровна Сидельникова, урождённая Ляпичева, может при желании получать помощь из Франции в виде денег и вещей по следующему адресу...» Мама узнала почерк мужа Ростислава. 25 лет мы ничего про него не знали и вот получили весточку от папы. Он жил во Франции, и таким как он возвращение в советскую страну было запрещено. Мы были рады, что папа жив, мы его всегда любили и не сомневались в его чести и благородстве. Я нашла спрятанное мамой письмо. Стоял февраль, я уложила спать накормленную дочку, укрыла потеплее, наша однокомнатная квартира была сквозняко-

вая, и села писать ответ. «...Дорогой папочка! Пишет тебе твоя младшая дочь Ольга, которую ты никогда не видел. Мы всегда верили, что ты жив. Прошло 25 лет после твоего ухода на войну, мама получила извещение, что ты пропал без вести, но мамино сердце подсказывало, что ты не убит. Дядя Боря получил письмо от тебя, и мама сразу узнала твой почерк, но не хотела волновать нас с Инной, а мы догадались и вот я тебе пишу. Хочу рассказывать тебе о нашем детстве, потому что мы уже взрослые и сами стали мамами. У Инны дочка Марина, ей шесть лет. А моей Ане ещё нет года. Инне уже тридцать, она окончила институт, а мне — двадцать пять и у меня музыкально-педагогическое образование. А мама у нас — не только директор школы, но и директор нашей общей семьи. Мы её всегда слушались и продолжаем это делать, хотя порой и ворчим потихоньку. Ты знаешь, мама всегда тебя ждала и любила...» Двадцать лет мы переписывались с папой, увидеться нам 20 лет не позволяли.

СОН МАМЫ №3

Где-то я в комнате нахожусь, и входят двое с квадратными лицами. Говорят мне:

— Вам придётся дочь сменить!

— Как так сменить? Меня такая вполне устраивает!

И я сразу возмутилась:

— Какое право имеете? Вы лица официальные?

— Да, — говорят, — мы лица официальные!

И тут я сразу догадалась, зачем они пришли. Олю арестовать. Потому что отец её в плену был. И я громко закричала, чтобы Оля услышала и спряталась.

— Ну, нет, — говорю, — Так я вам её не отдам!

...Жить, готовясь к самому худшему, наша семья, как и все советские граждане, привыкла. Камилл 12 лет провёл в лагерях и ссылках, как сын врагов народа. Отца, мать и всех родственников Камилла уничтожили, а его отправили в ГУЛАГ и откровенно сказали, что на всю жизнь. Но, к счастью, Сталин умер, и Камилл вернулся. Ему было уже тридцать, и для жизни на свободе остава-

лось ещё столько же. Мы встретились, поженились и всей семьей переехали из Балашихи в Москву. Росла и училась наша Аня. Вначале в Центральной музыкальной школе при консерватории, а потом уже в самой консерватории на факультете композиции. Профессором её был Тихон Николаевич Хренников. Аня продолжала писать сложную музыку, нападок на неё было много, потому что, как говорили, — «алеаторика не в русле нашей эстетики». Хренников почему-то всегда вступался и предотвращал её исключение из числа студентов. Камилл был знаменит своими скандальными статьями в прессе, и с ним предпочитали не конфликтовать. Он часто бывал в командировках в Узбекистане. Ездил обычно от газеты «Правда», иногда брал меня с собой. Главное же в нашей жизни произошло в 1985 году, — мы побывали во Франции у папы. Только благодаря Камиллу я увиделась с отцом. Он бесстрашно скандалил с сотрудниками КГБ, обвинял их в нарушении прав человека. Органы Госбезопасности с ним не связывались: слепой психованный ЗЕК, что с него возьмёшь? Но поехать мы смогли только в 1985 году, когда к власти пришёл Горбачёв и началась реабилитация жертв сталинских репрессий. Камилл обратился к Президенту с просьбой, — мол, хорошо, простил я вас, ничего не надо. Но — дайте моей жене возможность увидеть отца! И мы поехали во Францию, я первый раз увидела папу и была с ним два месяца. В 1987 нас выпустили по телеграмме, — папа умер. Хоронили папу на Русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Отпевали в церкви Успения Пресвятой Богородицы, тут же на Русском кладбище. Провожала его Русская эмиграция, друзья. Там я и познакомилась с Юрой, Георгием Вербицким. То есть, мы оба, я и Камилл, с ним познакомилась, но на фото того времени мы с Юрой почему-то сняты вдвоём. Я ему что-то объясняю, а он с куском арбуза в руке слушает внимательно, чуть склонившись в мою сторону...

А потом все отложилось на долгие годы. Камилл умер от рака печени в Германии, в 1989 году. Через год Аня вышла замуж за нашего друга — слависта Вольфрама Эггелинга и уехала в Германию. С Францией, с Юрой Вербицким связи больше не было, мы остались просто хорошими знакомыми. Мы

жили вдвоём с мамой, летом на даче, зимой в Москве. Мне казалась, что жизнь прошла, я вдова и есть уже внук. Забот было много, всё в нашей семье лежало на мне. А в семье, кроме нас с мамой, был ещё замечательный пёсик, рыженький пекинес Крош. Именно он скрашивал нашу жизнь. Собаки в моей жизни всегда занимали большое место, я их всех любила. Но Крош в моём сердце навсегда занял самое тёплое место...

ДОМ У РЕКИ

...И опять картина прошлого! Наверное, только у стариков прошлое встает ярко и красочно, с запахами и звуками. Ты — там, где был молод! Ты живешь в прошлом! Милый старый дом моего детства в Балашихе на берегу реки навсегда остался в сердце. Вначале, в 1935 году там поселился папа. Он старался не очень попадаться на глаза советской власти. Причины для этого были веские. Папа был сыном Царского генерала Семена Назаровича Сидельникова, племянником капитана второго ранга Нестора Монастырева, ушедшего из Крыма с остатками белой армии в эмиграцию. Пролетарского происхождения у папы не было, это было опасно. Во всех анкетах он писал, что — служащий. Слово это как бы ничего не обозначало, но от смерти спасало. Хотя после 1918 года, точнее, — после 17 июля 1918 года мой папа смерти не боялся. В тот день он узнал о смерти Царской семьи. Ходили разные слухи, будто и не убиты вовсе, а отправлены в безопасное место. Что расстрелян один бывший Царь Николай Александрович, а императрица и дети увезены куда-то. Но мой папа не сомневался, что убиты все, и Наследник Алексей — тоже. В 1913 году десятилетним мальчиком папа поступил в кадетское пехотное училище, оно находилось в Лефортово. Маленький Ростислав стал кадетом. Ростислава тогда сфотографировали в форменном мундирчике с высоким тугим воротом и буквой «А» на погонах. Он и его товарищи по корпусу были «Алексеевцы». В феврале 1914 года в корпус прибыл Царь с Наследником. Был устроен смотр, и кадеты стройно шагали мимо Царских Высочеств. Ростислав был рождён

в августе 1903 года, а Цесаревич в августе 1904-го. И вот два «львёнка», почти ровесники, встретились на один миг глазами, — это был незабываемый миг! «Вот Царь, которому я буду присягать и которому буду верен до самой смерти», — подумал Ростислав. От волнения и торжественности момента он чуть не заплакал и не сбился с ноги. Этим мальчикам должна была принадлежать Россия будущего. Но Бог судил иначе. Через три года, в 1917 году, в холодные октябрьские дни, мальчишки кадеты гибли на баррикадах, защищая от большевиков Москву. Младших воспитатели — офицеры распустили по домам, а сами со старшими воспитанниками сражались с красными смутьянами до последнего. Многих мальчиков сразили пули в бою, многих расстреляли потом большевики. Кадеты двух училищ, Алексеевского и Александровского, назвали себя тогда «белыми» воинами». Подлинно это было так: ангельские чистые души гибли, пытаясь спасти Россию и остановить сатанинские силы. Не оставили. Потом Москва хоронила своих отважных детей. Гробы понесли в Сокольники, на Всесвятское кладбище. Смерть молодых всегда особенно трогает людей, Александр Вертинский написал песню об убитых мальчиках, исполнял на концертах в эмиграции: « Кто послал их на смерть преступной рукой?...» Никто, конечно, не посылал. Дети исполняли Офицерский долг, и верность клятве отдать жизнь «За веру, Царя и Отечество». На мой взгляд, только эти мальчики и достойны звания «Белых воинов», а всё, что было под этим девизом потом, — было ненастоящее, и от истории это не укрылось.

Когда большевики взяли власть — папе было 14 лет. Возраст оставил его в стороне от «Белого» сопротивления. Было отчаяние, страх и бессилие. Что Царь отрёкся от Престола — он не поверил. Он помнил глаза Царя. А потом пришло окончательное известие, что вся Царская семья убита. Начался Красный террор, бандиты безнаказанно измывались над людьми, взрывали храмы, убивали священников, незаконная чужая власть оккупировала Россию. Незаконная чужая власть начала уничтожать русский народ, Православную веру, родную жизнь. В 1920 Ростислава призвали в Красную Армию. Шла Гражданская война, конница Будённого спешила на Перекоп добывать «белых». В пути

семнадцатилетний Ростислав заболел, не смог сидеть на лошади. Его оставили где-то в деревне, с тем, чтобы «малость оклемался и догонял». Болезнь была выдуманной, Ростислав попросту сбежал из Красной Армии, он не мог воевать на стороне врагов России, коими считал большевиков. Но плетью обуха не перешибешь, надо было продолжать жить. Он остался в деревне, старался жить незаметно и много работал. Мужчин в деревнях почти не осталось – только старики и дети, а сельской работы было много. О нём забыли, неразбериха была тогда в стране страшная. Однажды в какой-то газете, наклеенной на бревенчатой стене вместо обоев, папа нашёл в списке пропавших своё имя. Но прошло ещё пять лет, он отважился подать документы в заочный сельхозтехникум. Закончив его, поступил в Тимирязевскую Академию, как работник села. Происхождение своё в анкете раз и навсегда обозначал теперь так: – «из семьи служащих». Диплом давал Ростиславу Сидельникову право преподавать в школах естественные дисциплины. Папа из осторожности выбрал провинцию и приехал работать в подмосковную Балашиху. Ему было тридцать два года. Он был одинок, и не искал сближений с окружающими. Дети стали его друзьями, ученики любили Ростислава Семёновича, были абсолютно увлечены его предметом и вместе с ним создавали своими руками интереснейший кабинет-музей, какого не было ни в одной школе. У папы была комната в доме на берегу реки, в усадебном доме англичанина Лунна, бывшего хозяина балашихинской хлопкопрядильной фабрики. В 1936 году папа привёл в эту комнату замечательную женщину, которую сделал своей женой и нашей мамой. Летом 1941 года началась война, и мой сорокалетний папа пришел в военкомат, не дожидаясь призыва. Он шел защищать не безбожную советскую власть, а Россию, свою семью, своих учеников. Его провожали мама на седьмом месяце беременности и моя пятилетняя сестричка Инночка. Я родилась без него, но первые фотографии новой дочки он успел увидеть. В феврале 1942 году папа воевал на Волховском фронте. Потом писем долго не было, а потом прислали извещение, что капитан Ростислав Семенович Сидельников не числится ни среди живых, ни среди мертвых. Попал без вести.

Пятницкая улица в Москве, октябрь 1941 года. Мороз, снег, немцы в Химках, то есть уже на окраине столицы. Люди торопятся, везут вещи на санках, а мама несет меня на руках, мне еще всего несколько дней от рождения. Кто выжил из рожденных в эти дни, кто дожил до старости? Свою жизнь рассматриваю, как чудо. Поезд, в котором мы ехали в эвакуацию, успел пройти, а следующий разбомбили. Там тоже были дети. Мне повезло. В Киеве согнали людей, тысячи евреев, старики и дети в том числе, и все были расстреляны. Это были мои соотечественники, дети должны были вырасти и говорить, как и я, на русском языке. Их не стало на земле, а мне — повезло. Мой папа воевал на Волховском фронте, там шли жестокие бои, и там тоже было мирное население, женщины и дети. Везде, где на территории советского Союза возникали страшные котлы, в которых погибали целые Армии, там везде находилось мирное население. Кто думал о судьбах старых, больных и малолетних, схватка с врагом была смертельной, было не до них. В районе Мясного Бора, недалеко от Великого Новгорода, там, где папа попал в плен, весной 1942 года бродили дети, оставшиеся без родителей, ели березовую кору. Немецкие солдаты, в то время еще сытые и хорошо экипированные, любили фотографировать такие сцены. Они были уверены, что победят этот варварский народ, они пили рыбий жир и не брали пленных. Кругом были болота, хлопотно было с пленными, но моему тяжело контуженному папе повезло, потому что одного из этих немцев он спас. Папа был уже сорокалетний, он был учителем. Фашистский паренек напомнил ему ученика старших классов. Он не мог не помочь этому пареньку, так вышло, и поэтому остался жив, о чем всегда очень жалел. Контуженного папу и раненого немца вместе отправили в госпиталь. Немецкий паренек сказал, что русский его не убил, а перевязал, то есть спас. Так вышло по судьбе, что они оказались в одном блиндаже во время артиллерийского обстрела. Волховский котёл, где оказался мой отец, был не единственным. Воевать пришлось на своей территории, немцы уверенно и сразу прошли вглубь России. Армия генерала Ефремова попала в окружение под Вяткой и погибла. Генерал Ефремов застрелился. Защитников Крыма, тех, кто остался жив, фашисты гнали

в плен тысячными колоннами, растянувшимися на несколько километров. Сколько же осталось нас, рожденных в годы войны, выживших чудом? Мы знаем правду того страшного времени, но говорим ли мы эту правду или предпочитаем ее приукрашивать, менять и выхолащивать подлинные события? Может, это свойство человеческой психики, — бежать от истины? Нежелание помнить ужасное привело к тому, что помним мы войну «киношную», непохожую, но и на таких просто фильмах тоже можно плакать. Память каждого дополнит свое, незабываемое. Помню день Победы в мае 1945 года, салют и портрет Сталина в небе, поднятый дирижаблем. А следующий день Победы случился только через 20 лет, в мае 1965 года, после выхода книги С. С. Смирнова «Брестская крепость». И весь мир обошла фотография из этой книги, на которой три немолодых мужика плачут, обнявшись. Последние защитники Брестской крепости, прошедшие фашистский плен и угодившие затем в ужасный советский Гулаг. Это не было единичным случаем, сроками в советских концлагерях награждались многие в полном смысле герои. Летчик Девятаев, совершивший дерзкий побег из фашистского плена, оказавшись на своей территории прежде всего был отправлен в родные лагеря строгого режима.

...Мы жили в том же папином доме, когда закончилась война. Через десять лет, когда стало ясно, что все, кто мог, вернулись после войны домой, а нашего папы всё нет, и, скорее всего, не будет никогда, мама в этом доме жить больше не смогла. А мы с сестрой любили наш дом, старую усадьбу, он давал нам всё, что надо человеку в детстве, — красоту и сказку, парк и реку. Но пришлось его покинуть, и вот тогда с нами в новый дом поехал маленький и толстый щенок, чёрненький сын белоснежной собачки Джимки. Екатерина Леонидовна Бутова, наша соседка и хозяйка Джимки, предложила нам выбрать из шести щенков, и вот мы выбрали нашего Жучка, Жучу. Он хоть немного, но утешил наше неизбывное горе при расставании с единственно родным «папиным» домом. Чёрненький Жуча тоже — до конца в моем сердце, как и все мои незабвенные пёсики Дрим, Крош, Цезарь. Любимые и оплаканные.

ЛЮБОВЬ, С УЛЫБКОЮ ПРОЩАЛЬНОЙ...

Все в моей жизни складывалось неожиданно и логично, последующие события не торопясь, вытекали из предыдущих. В сентябре 1999 года я приехала во Францию по папиным делам, мы встретились с Юрой, чтобы никогда не расставаться. С этого момента началась наша счастливая жизнь, которая продолжалась 20 лет. В то время Юре был 71 год, а мне 57 лет. Я помню все события, в которых мы участвовали с жаром и пылом молодых людей, помню до мелочей все, что произошло за эти годы. Возраста мы не чувствовали. Постоянно куда-то ехали, летели, планировали, строили, поднимались в горы, колесили по Франции. Канал Культура сделал документальный фильм по моей книге «На что душа моя оглянется», фильм назывался «Нет ничего в жизни случайного». Про нас с Юрой и про нашу любовь, которая нашла нас чудесным образом, когда мы были уже глубоко немолодыми людьми. Время не шло, а летело. Мы понимали, что очень счастливы, смаковали своё счастье, и всё же тревога тихонько царапала сердце, — цифры в паспорте менялись и все больше напоминали о том, что жизненное время естественным образом истекает. И вот уже Юре 85, а мне 70...

Но вдруг с каким томительным испугом
Я снова вспоминаю, дорогой,
Из двух людей, живущих друг для друга,
Один уходит раньше, чем другой.

...Посылаемые знаки были слишком выразительны. 4 июня 2015 года упала в российском консульстве, провалилась в подпол. Всё российское почему-то, как правило, сделано наполовину, даже если находится во Франции. Огромное шикарное здание, а есть места, где пол кончается обрывом без всяких ограждений. Я не увидела, шагнула и.... Осталась, к удивлению всех, — цела. Почему-то подумала: Царственные мученики помогли, Святой Цесаревич Алёшенька подхватил, не дал разбиться. В то время главной темой моих

публикаций и выступлений была Царская Семья. Может, от этого были в душе смятение и предчувствия. Эти два чувства последние два года находились в душе, ощущались то сильнее, то слабее. А жизнь всё ещё вершилась хорошая, за год до этого, тоже весной, Юра купил тур во Флоренцию. Когда-то обещал и вот — вышло. Ах, как было хорошо. Всё дышало Великим, ощущалось присутствие Данте, Микеланджело. Здесь была явно овеществлена Благая весть. Потом была Женева, озеро, город Лозанна на другом швейцарском берегу. Вспомнился Натан Эйдельман, наш с Камиллом друг, историк, он мечтал оказаться в архивах Лозанны, но туда не попал, умер в 90х накануне поездки, вслед за Камиллом, и тоже в 60 лет. А мне вот выпало... Юра показывал удивительные места, мы гуляли в Шато Рипай, это старинный монастырь, жалели замученных здесь врагами христианства монахов, собирали очень крупные каштаны возле могучего дерева, которое этим монахам давало когда-то свои плоды. Монастырь работал, как музей, и в качестве рекламы продавал белое вино, будто бы сделанное по монашеским рецептам. Отель был маленький, романтично устроенный на самом берегу, Женевское озеро расстилалось под нашим окном. Ресторан со свечой на столе и нежнейшей рыбой, Библия в номере, а не телевизор. Юра знал, как я это все по-детски любила. Потом была поездка в Россию, в Санкт-Петербург, там вышла наша с Юрой книга о Григории Распутине. Это была замечательная история, наша встреча с Григорием Ефимовичем.

«Горе мятущимся и злым — им и солнце не греет, алчных и скучных весна не утешает; у них в очах нет дня — всегда ночь»

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Очередных наших гостей из России мы повезли в казачий музей. Есть такой в Париже, там много хранится из того, что было спасено эмиграцией при уходе из России. Интересный музей! Портреты, знамёна, ордена... «Хотите посмотреть одну интересную вещь, — предложил один из хранителей, — мы

её не выставляем...» Он вытащил из ящика стола газетный свёрток, развернул, я увидела очень старый, с раздёрганными страницами молитвослов. На первой странице можно было разобрать карандашную надпись: Григорий. И следы пятен и потёков, какие оставляет только кровь... Молитвослов был у Распутина в кармане, когда убийцы бросили его в Неву. Я на секунду положила ладонь на эту страницу, и что-то вошло в сердце. После этого Григорий Ефимович стал понятен и нужен. Как был нужен он всей Царской семье и особенно цесаревичу Алексею. «Боже, храни своих», — так любил повторять Распутин. Паломнические впечатления Григория Распутина и его духовные искания были бесценным путеводителем в Небесный Иерусалим, кратчайший путь для русской Православной души. Они были записаны с его слов и изданы, скорее всего, семьёй Русского Царя. Последний раз Государыня переиздала их в 1916 году, после убийства Григория Ефимовича. Чудом сохранилось несколько экземпляров книги, они находились в царских архивах, которые были в начале 20х годов проданы большевиками за границу. В начале 90х годов Святослав Ростропович выкупил эти архивы на аукционе и вернул в Россию. Тексты Распутина стали использоваться, но отрывочно, отдельной книжечки не было. И вот мы с Юрой такую книжечку сделали, — с моим предисловием и замечательным оформлением питерской художницы Елены Фокиной. Надо сказать, что и мы, и Лена очень совпали в отношении к нашему герою. Мы чувствовали некую свою причастность, мы тоже были, в каком-то смысле, — «свои». Книжка получилась! В Царском Селе прошла презентация книги, в день рождения Государя — 19 мая. Были в этот же день на могиле Григория Ефимовича в Царском селе, были в Александровском дворце. Везде осязательно были рядом с нами Царственные Мученики и их дорогой Григорий Ефимович.

Хочется уточнить моменты этой, в полном смысле, сердечной их привязанности друг к другу, на чем она была основана. Все, что на сегодняшний день происходит между Россией и объединенным Западом, — это продолжение противостояние Славянофильства и Западничества, имеющие глубокие

корни. Грубо говоря, Петр Первый был западником, а Николай Второй Славянофилом. Петр построил Петербург, и только в этом городе могла произойти революция, из этого города, лишённого русского духа, началось разрушение Православной России. А Николай Второй строил в Царском селе Русский городок, и по тому, кто вместе с ним осуществлял эту идею создания православного национального центра, ясно, к какому движению примыкал Царь и его семья. Как Монарх, озвучивать свои пристрастия Николай просто не имел права, но душой он, несомненно, был приверженцем Святой Руси. Цель славянофильства — развитие Святоотеческой и русской подвижнической традиции, подчинение западного влияния духу христианского Любомудрия. Крестьянин Григорий Распутин был воплощением народного Любомудрия. Православный Царь и крестьянин были виноваты в том, что шли против Запада. Решение об убийстве того и другого принималось не в России, а в Нью-Йорке. Книга Распутина «Житие опытного Странника» повествует о путях и способах Спасения, изученных Распутиным опытным путем. По мнению многих приверженцев самобытного пути России, она должна донести идею Спасения до впавших в ересь и безбожие народов Запада. А путей к достижению Царства Небесного для человека всего два: суровый, порой фанатичный аскетизм или деятельность, наполненная эстетической божественной красотой и разумом. А по-другому, совсем просто сказано в книге Григория Распутина «Житие опытного странника»: надо вылезти из «той ямы греховной», в которой сидит человек, и «найти ту тропинку, которая выведет его из клоаки на чистый воздух. И вскинешь ты глаза свои на небо, и увидишь Бога, и почувствуешь тогда всем сердцем своим, что один только у тебя Отец — Господь Бог, что только одному Богу нужна твоя душа... Он один заступится за тебя и поможет тебе... И найдет на тебя тогда умиление...»

Заканчивалась наша книга ПОСЛЕСЛОВИЕМ:

«После родного Верхотурья, после странствий по необъятным просторам, после полевых дорог, чистых ручьев и вольного деревенского Григорию Распутину нелегко было в чужом ему Петербурге, но этот город появился в его жизни не случайно. Это было предназначение, по-другому сказать, — послушание, полученное свыше. Григорий Ефимович любил повторять: «Боже, храни своих!» Ради «своих» он до конца претерпел посланные Богом испытания. «Я вскоре умру в ужасных страданиях, но что делать? Бог предназначил мне высокий подвиг погибнуть для спасения моих дорогих Государей и Святой Руси... Наследник жив, покуда жив я, моя смерть будет вашей смертью».

Распутин был убит 17 декабря 1916 года. Последний раз Царская семья видела Распутина в Александровском дворце, куда по приказанию их Величеств он был вызван. Это было приблизительно за месяц до его страшной гибели. Разговор зашел о военных событиях, и Григорий Ефимович указал Государю, что надо думать о том, как бы обеспечить всех сирот и инвалидов после войны, чтобы «никто не остался обиженным: ведь каждый отдал тебе всё, что имел самого дорогого». Затем их Величества встали, и Государь сказал, как всегда: «Григорий, перекрести нас всех». — «Сегодня ты благослови меня» — ответил Григорий Ефимович, что Государь и сделал. Почувствовали они, что видятся в последний раз? По-видимому — почувствовали.....

...Николай Второй был убит в подвале ипатьевского дома с нательным крестом Распутина на груди, который он надел после убийства друга и больше не снимал».

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...

...После Петербурга и презентации книги о Распутине, мы полетели в Москву, На радио Радонеж я рассказывала о нашей книге, и тема Григория Распутина людей поначалу огорошивала, но я была уверена в том, что рассказывала и меня слушали с интересом. Из Москвы поездом поехали в Боровичи. Там, в городском музее, я представила книгу, и опять была напряженная ти-

шина, когда люди слушали мое повествование о друге Русского Царя и о той международной, вселенской лжи, которая была обрушена на них врагами Православия и России. Там же, в музее, открывалась выставка «Время вернуться домой», где экспонировались вещи и документы из Юриного архива, связанные с Усадьбой и жизнью его семьи в эмиграции. Всё это дипломатической почтой, целых 50кг, вывезли из нашего дома в Сент – Женевьев-де-Буа. Юре трудно было расставаться с дорогими реликвиями, но он согласился, другого решения все равно не было. Теперь многие вещи, даже старый игрушечный Юрин медведь, снова дома, в Боровичах, в России.

...Все годы жизни с Юрой я не уставала с интересом и удовольствием наблюдать его жизнь. По возвращении во Францию мы навестили Надю Лебедеву, старинную подругу Юры, которую он любил в юности. Теперь она жила в старческом доме и Юру не узнавала вовсе, она ведь была на целых семь лет его старше. Мне было трогательно видеть, с какой любовью Юра смотрел на 90 летнюю даму. Она была и осталась для него прекрасной дамой – дантовской Беатриче.

Мы, разумеется, ездили по Франции на машине, это давало массу новых впечатлений. Так однажды случайно заехали в городок, где похоронен Ренуар, это в провинции Шампань. Там повсюду и всё абсолютно было пронизано этим дивным вином, шампанским. И Ренуар, таким образом, оказался с ним буквально повязан. Все места, где он в этом городе якобы присутствовал, плавно перетекали в бокалы, играющие золотыми пузырьками. Юра дарил, угощал, изумлял меня прекрасной Францией, которую знал и любил. Мы всегда вдруг вот так решались — и ехали. И всегда получалось удачно, почти всегда — чудо. Прилетели на десять дней в Турцию, в Стамбул, мы называли этот город Константинополь. Мы искали там следы византийского христианства и находили. Попадали в подземные церкви и набирали Святую водичку в Источниках, которые были известны нам из христианской литературы. И в Святой Софии побывали, тогда эта христианская Святыня не была еще мечетью,

она была музеем. Я увидела крестильную, где крестилась Княгиня Ольга, тогда эту пристройку к храму только очистили от многовекового мусора.

Осенью того же года тронулись на юг, отметить там наши дни рождения. 11 октября мне исполнялось 73 года. Я специально купила себе молодой розовый наряд, и чтобы можно было еще надеть под него узкие леггинсы. Я всю жизнь радостно трудилась над своей внешностью, мне нравилось думать, что усилия приведут к желаемому результату и появятся признаки общепринятой красоты. Иногда, на короткое время, удавалось, но чаще я оставалась такой, какой меня создал Бог. Моя подруга поэтесса Татьяна Бек тяжело переживала свою мнимую некрасивость. Мне-то она казалась лучезарной и великолепной. Но она думала по-другому:

«Ненавижу свою оболочку!
Понимаю, что, как не смотри,
Видно бурую грубую почку,
А не нежную зелень внутри».

Это она про себя. Я, в принципе, тоже могла под этим подписаться, но желание не выходить за пределы счастья меня защищало. Ощущение предназначенности и гармонии компенсировало отражение в зеркале. Я рвалась прочь из негатива, а потому отражение в зеркале не огорчало. В результате я до 77 лет была в этом отношении непрерывно счастлива. Мужья мои, посланные Богом, были люди замечательные, претензий ко мне не имели. Им все во мне нравилось. Юра часто повторял, «Ты — красавица!» или называл меня «принцессой», я расцветала от этих слов! В тот приезд мы остановились в отеле на любимой окраине Экса, опять «по-киношному» отметили наши дни рождения с рыбой, белым вином и леггинсами. Но пошлым это совсем не казалось. Мы праздновали прощание с нашей замечательной радостной, полётной жизнью. Нам было, что вспомнить.

В 1999 году в ноябре Юра впервые привез меня на Лазурный берег. Было впечатление, что похитил, что мы сбежали. Отчасти это была правда, Юра

всегда пользовался успехом у дам, был на виду, под прицелом многих женских глаз. Мы выехали поздно и приехали в Экс-ан-Прованс ночью. В Эксе была морозная ночь, светила большая и по-зимнему белая луна. Как в России. Из-за позднего часа найти отель было невозможно, ночевать — негде. Но на окраине города в кемпинге у Юры стоял «караван», домик на колесах. Он рискнул, позвонил хозяину кемпинга, и мы имели ночлег. Любой автомобиль сделан из железа, «караван» — тоже. Внутри он был ледяной. Перед тем, как там расположиться, Юра предложил сделать пробежку для «сугрева». И мы побежали по твёрдой от мороза и белой от лунного света дороге, которая вела прямо на гору Сент-Виктуар. Гора была сказочно красива! Выбелена лунным светом, серые каменные глыбы, глубокие складки и чёрные провалы видны резко, отчётливо. Спали хорошо, совсем не замёрзли. Утром город завалило снегом, Сент-Виктуар исчез в белёсом тумане, мы нашли отель в городе. Ночевали в тепле и в любви... Утром вышли на улицу, — снежно и скользко. Навстречу бежал человек, увидел нас — пошутил, — зачем вышли в такую погоду! Скользко! Упадёте, а в госпиталях все места уже заняты. Мы смеялись! Мы ведь были молодыми! Любовь была в самом разгаре, — горячая и радостная! Я побывала на самой высокой точке горы, у Креста. Накануне нашей свадьбы, в мае 2003, именно там, на высоте, было необыкновенное ощущение счастья и недоумения: — неужели это всё со мной происходит. Мы колесили по Лазурному берегу, по всем его окрестностям. До Марселя от Экса всего 30 минут, мы побывали на острове Иф, где в тюремном замке сидел в заточении Эдмон Дантес, Граф Монте-Кристо. Видели его камеру и подземный ход, которым он бежал. Это тоже был Юрин сюрприз.

Юра любил мою способность искать и угадывать таинственное, мою любовь к чудесным знакам и совпадениям, и делал такие сюрпризы-подарки часто. Так однажды с друзьями из Москвы мы поехали в городок Сен-Лис, сто километров от Парижа, и я «встретилась» с Анной Ярославной. Небольшой городок недалеко от Парижа был ее вотчиной, и в 1060 году Королева Анна построила там Аббатство с госпиталем и домом престарелых. Аббатство со-

хранилось до наших дней, и в нише здания я увидела статую моей пра-пра. Стройная, красивая, маленькая корона и две косы перекинуты на грудь. На строительство Аббатства она потратила средства от продажи драгоценностей, подаренных ей на свадьбу.

Юра хорошо знал юг страны, так как долго работал там, устанавливал газовое оборудование от фирмы Шелль. На юге остались Юрины друзья, мы встречались, обедали вместе в живописных местах, на берегу моря или в горах. Я видела, что, в основном, это очень немолодые люди, но абсолютно не переносила это на Юру, хотя они были его ровесниками. Мой Юра был молод и неотразим. Я любовалась и гордилась. Думаю, со стороны это выглядело смешным, но Франция снисходительна к тому, что называется Ля-мур. Мы были молоды и счастливы каждое мгновение! Молодость, страсть и счастье, — вот, что такое были мы! По возвращении с юга нам предстояло оформить наш брак в Мэрии Сент-Женевьев-де-Буа и затем венчаться в маленькой церкви Свв. Константина и Елены. Но еще длились дни у моря, продолжались горы, чудесная пицца, розовое вино и ночи в нашем караване! С нами неотлучно был Крош, милая и безропотная моя собачка, курносенький мой пекинес, которого я в своем счастливом угаре не умела беречь.

...За 20 лет нашей жизни мы проводили на юге много времени. Каждый год жили в Ницце подолгу, и каждый день отправлялись на машине в Альпы. В 2002 гуляли в горах в ноябре по снегу. Людей не было, зато дикие козы «шпиони» смотрели на нас с удивлением. В 2013 году мы, как всегда, в очередной раз ходили в горах нашими всегдашними маршрутами: на Бодино, на рефюж Сезан, на Сен-Сэр, где была церковь Святого Сервуса. В пятом веке этого Святого убили, в горах, в пещерке, где он молился. На месте его мученической кончины построена была малюсенькая каменная церквушка, мы поднимались к ней. Хорошую неделю прожили мы тогда у подножия массива Сент-Виктуар. С нами был Цезарь, следующий после умершего Крошика пекинес, он вполне прилично себя вёл, но характером от Кроша отличался сильно и умел заставить с собой считаться! Один раз он сбежал, — мы пошли гулять, а

он пошёл нас искать. Хорошо, что соседи его принесли на нашу веранду и привязали. Нашего домика на колесах уже не было. Мы жили в маленьком коттедже. С нашей веранды гора Сент-Виктуар была хорошо видна. Утром, когда мы завтракали, гора разворачивалась перед нами во всей своей красе. Это удивительная гора, она всё время в течение дня меняет цвет. Художник Поль Сезанн, который жил неподалеку, часто эту гору рисовал, особенно любил изображать её в вечернем освещении, — гора тогда становилась лиловой. Мы прожили неделю, домой в Париж мы уезжали утром, серые морщины горы особенно подчёркивали её вечность. Ясно был виден крест на самой высокой точке, и в момент, когда мы прощально глянули на гору, — над крестом кружила огромная птица. «Это — орёл, — сказал Юра.- Я давно слышал, что он там живёт, но вижу в первый раз». И я рада была сказать ему, как бы в ободрении, слова из ветхозаветного пророка Иеремии: «Надеющиеся на Господа обновятся в силе. Поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут и не утомятся».

...Весной 2015 года в мае нам необходимо было ехать в Россию. Сначала была Москва, и запись на радио Радонеж, где нас много лет любили и записывали наши выступления с ведущей Еленой Владимировной Путинцевой, дорогим нашим другом через всю жизнь. Как всегда поезд «Сапсан» доставил нас до станции Окуловка, а оттуда — в Боровичи, в отель «Олимп». С нами на этот раз был милый Иван Николаевич Брикке, Юрин ровесник, обитатель Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа. По отцу — русский, язык знал кое-как, но любил Россию всем сердцем. Многие люди в те счастливые наши годы попадали в нашу орбиту. Любовь давала нам силы делиться то Францией, то Россией. Кто-то всегда гостил у нас в нашем французском доме, в основном друзья и родственники из России или Украины. А наши поездки в Боровичи и деревни тоже бывали в сопровождении желающих, которых мы старались хорошо разместить и развлечь. В боровичском музее прошла презентация переизданной книги из архива Юры «Начало трагедии», о главной роли Государя Николая Второго в Первой Мировой войне, которую он должен был завер-

шить победой русского оружия, если бы не предательство окружения. В деревне Железково, в новой маленькой часовне Святых Царственных мучеников на территории дома престарелых, 19 мая, в день рождения Государя Николая Второго, был молебен. Священник о. Иоанн Творогов прочитал Акафист Царственным мученикам.

«Свечу пудовую затеплив пред иконой,
Призвав в слезах Господню Благодать,
Начнет народ с покорностью иконной
Своих Царей на службах поминать».

Решение сделать из часовни церковь успешно осуществлялось, заказан был Иконостас, Иван Николаевич Брикке принял участие и пожертвовал значительную сумму денег. Все вместе мы вернулись во Францию. Получили приглашение Русского Посольства на открытие мемориала полка Нормандия-Неман. Это мероприятие закончилось ужином в Российском Посольстве, а потом последовало мое вышеупомянутое, к счастью, благополучное падение в подпол. Это было 4 июня 2015 года, начиналось лето. Нам с Юрой оставалось быть вместе два с половиной года.

НА ЧТО ДУША МОЯ ОГЛЯНЕТСЯ, ИДЯ В НЕЗДЕШНИЕ КРАЯ...

...Когда папа ушел воевать, мама осталась жить в их милой маленькой комнате в доме у реки. Большую часть комнаты занимал рояль, с которым мы не расставались во всех наших переездах. Казалось, война быстро закончится и папа вернется сюда, но уже на девятый день после моего рождения мы ехали в в товарном поезде в эвакуацию на Урал. Свою жизнь я считаю Чудом: вышедший с Павелецкого вокзала после нас поезд разбомбили в щепки. А я 80 лет живу на белом свете!

Оккупация Франции прошла тихо и спокойно, Париж был сдан без боя. Семья Вербицких войну пережила в Нормандии, на берегу моря. С братом и сестрой, двойняшками Ниной и Никой, которые были младше на три года, Юра после морского отлива собирал устриц, креветок и другую съедобную морскую живность. В семье было шесть человек, работал один Всеволод Николаевич, по мобилизации он был призван в качестве шофера. Вера Николаевна вела хозяйство, на ее руках были трое детей и мать Александра Александровна, дочь Христины Антоновны, которая часто забывала, что вместо многочисленной усадебной прислуги у нее под рукой одна усталая дочь Вера. В Париж семья не ездила и оккупировавших столицу немцев Юра не видел. Потом вернулась мирная умная европейская жизнь, в которой Юра был очень успешен. Красивая жена-француженка, красивые дети, сын и дочь. И всегдашняя надежда, и вера Юры в высшее, горнее, святое... Неколебимая вера в Чудо. Оно присутствовало в его жизни, невзирая на удары судьбы, тяжелейшие потрясения, — Господь наказывает тех, кого любит. А вопросов «почему» и «зачем» у христианина быть не может. «Нужно поехать к Мадонне и поблагодарить её», — сказал Юра на следующий день, после моего падения в подвал. Мы каждый год старались побывать в милом французском захолустье, где маленькому Юре в детстве было явлено чудо, во многом определившем его дальнейшую жизнь. В центре холмистой Франции Вера Николаевна отдыхала с детьми несколько лет подряд. Из Парижа их привозил Всеволод Николаевич, работавший шофером такси. Они снимали домик в деревушке, дети пили молоко и бегали по великолепным зеленым холмам. Папа приезжал их навещать, и так они жили до осени. Юре было шесть лет, близнецам Нине и Николаю три года. Они пришли прощаться перед отъездом с мадам Бланш, у которой брали молоко. На вопрос, как он отдохнул, Юра сказал, что все бы хорошо, но он потерял где-то в холмах папин подарок, — перочинный ножик. Тебе надо попросить нашу Мадонну, — посоветовала Бланш. Статуя Мадонны с Младенцем стояла у ручья в низине, в стороне от деревни. Путь к ней лежал или по дороге в обход, или напрямую через холмы. Был уже вечер, Юра по-

бежал именно через холмы по влажной высокой траве. Сбегая вниз, уже видя вдалеке фигуру Мадонны с Младенцем, Юра почувствовал что-то под ногой и, не веря, остановился. Он наступил на свой потерянный ножик! Тогда Вера Николаевна объяснила сыну, что он стал свидетелем Чуда!

Для самой Веры Николаевны чудом из чудес казалась утерянная навсегда жизнь в России. Вера Николаевна рассказывала детям о своем детстве в бабушкиной усадьбе на берегу Мсты, про гимназию в Петербурге и подруг. Едва окончив гимназию, она вместе с семьёй покинула привычную жизнь. Шел 1917й год, отец, генерал Николай Павлович воевал, а для его жены и дочерей началось время скитаний по России. Оно запомнилось Вере, как тяжёлый бесконечный сон. Потом была эвакуация всей семьи из Крыма на пароходе «Святой Николай» с остатками Белой армии генерала Врангеля. Первая остановка беженцев оказалась в Сербии, в городе Скопье. Они обосновались и начали жить, как все эмигранты. Очень скоро Вера встретила Всеволода Вербицкого, Ротмистра, гусара Ахтырского полка. Бравый, потомственный русский офицер, — по матери он происходил из рода поэта Михаила Лермонтова. Окончив вначале полтавский корпус, а затем Елизаветградское кавалерийское училище, Всеволод попал на фронт в восемнадцать лет. Пройдя Первую мировую, а затем и гражданскую войну на стороне Белой Добровольческой армии, он ушёл в эмиграцию из Крыма с остатками армии генерала Врангеля. Пройдя через Константинополь и Галлиполи, Всеволод оказался в Сербии в поисках работы, и однажды, придя с товарищами в кино, встретил Веру. Она работала тапёром, сопровождала киносеансы игрой на фортепиано. Через короткое время они обвенчались, любовь дала им силы для устройства жизни на чужбине. Сербия, правда, не воспринималась, как чужбина. Сербы любили русских, братьев по Православной вере, — «братушек»! Сколько раз на улице улыбочивые чужие люди, услышав русскую речь, приветствовали беженцев неожиданно и трогательно. Однажды они с Всеволодом гуляли и получили в подарок половину пышного каравая с куском домашнего сыра в придачу. Это было очень кстати, они проголодались, и до чего же тогда им было вкусно! А

в августе 1927 года, незадолго до рождения Юры, в Сербии произошло чудесное, непостижимое разумом событие. Оно сразу стало всем известно, Вера Николаевна тогда радовалась этому явному знамению, молилась и плакала. Художник, расписывающий храм в монастыре Святого Наума, что на Охридском озере, уже закончил лики пятнадцати Святых и оставил чистый овал для следующей работы. Когда он пришёл в храм, чтобы продолжить, то увидел, что незаполненный овал ожил: — из него смотрел скорбный лик Николая Второго. Под Иконой впоследствии была сделана надпись: «Всероссийский Император Николай II, принявший мученический венец за благоденствие и счастье славянства». Любовь сербов к русскому Государю была искренней, они переживали жуткую расправу над ним и его семьёй, как горе, коснувшееся каждого, как личную утрату. Он никогда не давал в обиду сербский народ, великая Россия была для сербов надёжной стеной. У них даже родилась легенда, что каждый год, накануне убиения всей царской семьи, русский Император появляется в кафедральном соборе в Белграде. Там он молится перед иконой святого Саввы за сербский народ. А потом пешком, через весь город, в старой солдатской шинели со споротыми погонами, Николай Второй идёт в главный военный штаб, чтобы проверить готовность сербов к защите от врагов. Эта легенда трогала Веру до слёз. В их семье Государя боготворили. Отец, боевой офицер, прошедший не одну войну, всегда знал, что возразить «критиканам» и недоброжелателям русского царя. Царская семья казалась Вере родной и понятной: — там четыре сестры и мальчик, и у них то же самое, только на одну сестру меньше. Они все были почти ровесники... И мальчики похожи: болезненные и непоседливые. Перед глазами Веры часто проплывала панихида в их приусадебном храме, похороны младшего брата Ники за год до отъезда из России, мерцание свечей и проникновенные слова священника о вечной жизни Праведных душ. Подробности убийства Царской семьи уже были известны, страшное злодеяние разум отказывался принимать. Из Сербии Вера и Всеволод перебрались во Францию, в Париж. Всеволод стал работать таксистом, Вера ждала ребенка и привыкала к чужой жизни. Они были уверены,

что родится сын, и имя ему было выбрано — Георгий. Георгий Всеволодович Вербицкий. Или по-домашнему Юрий, Юра. Мыслями Вера Николаевна то и дело возвращалась в Россию, и это скрашивало дни и утешало. Там, если вдруг ей делалось грустно или мучила бессонница, достаточно было подойти к окну и послушать, как шумит на порогах Мста, почувствовать аромат сирени, растущей большими кустами на крутом берегу перед домом. В эмиграции жизнь её разделилась на две половины, — одна была воспоминанием, радостным и тёплым, как летний вечер в родном имении, а другая явью, — тягостной и тоскливой, как ночи в чужой стране. Увидит ли когда-нибудь её будущий сын Россию и село Ровное? И неповторимую Мсту, над которой стоит дом и Церковь Святой Екатерины, и незабываемые просторы вокруг, среди которых прошли её детство и юность? Бог весть! Вокруг была Франция, Париж, и дорога домой была, казалось, закрыта навсегда. Любовь к России переполняла Веру и эту любовь она передала сыну.

ЖИЗНЬ ПО ВЕРТИКАЛИ

«Услышь, Господи, слова мои, уразумей помышления мои... Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь.» (Пс.5)

...Каждая человеческая судьба неповторима и уникальна. Я проросла в судьбу своей семьи, куда Господь вместил много, бесконечно много историй, их хватило бы не на одну семью, это бесспорно. Истории трагические, роковые, с неожиданными развязками и чудесными спасениями. Все завязано в тугой узел, его не разрубить, не развязать. Одни события перетекают в другие и не существуют без предыдущих. И, может быть, последними аккордами нашей семейной истории, кодой ее, стала наша с Юрой жизнь, совсем неслучайная наша встреча. Нам выпало подводить итоги. Все было задумано, как музыкальное построение, трехчастная сонатная форма: экспозиция, разработка, в которой, как и положено, было много трагизма. Потом возвращение к началу, усталое и неточное, как отражение в воде. И вот — успокоение, покой, когда надо все по-

нять и простить. А как понять, если именно непонятность и есть Божье Знамение и Божья награда, сокровище на небесах. Непонятность часто — юродство и Святость. Городским сумасшедшим ходил по Ассизам Святой Франциск. Святая Блаженная Ксения в мороз ходила босиком и люди бывали поражены и напуганы. Нет Пророка в своем Отечестве, Господь наш Иисус Христос испытал это в полной мере. Для всех непонятных есть людское определение — чудаки:

«С тех пор, как Вечный Судия
мне дал предвиденье пророка,
в глазах людей читаю я
страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любовь
и правды чистые ученья,
в меня все ближние мои
бросали бешено каменья».

Отец мой, Сидельников Ростислав Семенович, несомненно, был непонятый чудака. Сложно было бы говорить о нем, учитывая, что виделись мы за жизнь всего два месяца. Но мне было дано продолжить его жизнь, с точностью до деталей. Выйдя замуж за Юру, я стала жить во Франции в папином городке Сент-Женевьев-де-Буа и заниматься историей России, историей нашего рода, тем, чем до конца дней занимался папа. Мне никогда не хотелось уезжать из России, даже в голову не приходило. Когда нашелся папа, мы жалели его, живущего в чужой стране. В 1985 году, когда мы в первый раз приехали во Францию для встречи с отцом, Камиллу предложили попросить политического убежища. Камилл улыбнулся на это предложение: «... я каждый день обратный билет проверяю... Я же гражданин Великой Державы». Это говорил человек почти слепой, потерявший всех родных, отсидевший в тюрьме 12 лет ни за что. Никто из нашей семьи, включая Аню, в других широтах себя не представлял. Но что за поворотом, — человек не знает. Я вышла за русского француза,

стала его венчанной женой и совсем по — другому поняла значение венчанного брака. Я должна была быть там, где мой муж, следовать за ним и жить одной с ним судьбой. Остаться в России Юра не мог, слишком он был немолод. Ведь он родился во Франции, и она тоже была его Родиной, но фактической, а не сердечной, как Россия. Каждый раз, когда мы уезжали из России, мое сердце рвалось. Об этом мои неумелые стихи:

Прости, Россия, что тебя покину,
Опять уеду, улечу, умчусь.
Оплакав и берёзу и рябину,
Надеждой обнадёжив, что вернусь.
Прости, родимый хлеб, что не с тобою
Вино чужое скоро пригублю.
Лишь трубка телефона под рукою
Взамен страны, которую люблю.
Прости, родной язык! Моим потомкам
Живой твоей воды уже не пить.
На иностранном, на чужом и ломком
До смерти будут ловко говорить.
Простите, Церкви русские! Молитесь
О душах грешных беглых земляков.
Они вернуться к вам, освободившись
От тяжких, бранных и земных оков.

ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ...

Пока мама была жива, я оставалась в России, а Юра приезжал и уезжал. И за это время мы отправились на поиски его родовой усадьбы и нашли ее. Ориентирами служили старые фотографии. Когда-то Юра показал их мне и Ка-

миллу, и мы обещали ему найти в Новгородской области место, где родилась его мама. 5 сентября 1999 года это произошло, мы нашли Усадьбу, где родилась Вера Николаевна. Юра ступил на порог своего родового дома в России. Он вглядывался в то, что осталось от большой цветущей усадьбы, он смотрел на эту печальную картину с непередаваемым выражением, сквозь слезы. Внутри был только битый кирпич, полное и окончательное разрушение, но стены и крыша 200-летнего дома держались. Лихие годы 90х отмечены вывозом денег из России в большом количестве и в иностранные банки. Юрий Всеволодович Вербицкий, французский инженер «в отставке», как он говорил, наоборот вез в Россию то, что скопил за всю свою рабочую жизнь. Но восстановить усадьбу нам было не дано, а вот восстановленная на деньги правнука Христины Антоновны церковь Святой Екатерины всё же поднялась из руин. Грустно было поднявшемуся куполу оглядывать разрушенные окрестности, возвышаться над руинами когда-то мощного барского дома.

Хозяйство Христины Антоновны было организовано успешно, процветало и кормило пять окрестных деревень. Первая наша книга «Усадьба Ровное-Новоблагодатное» была об обитателях усадьбы. Она была, сделана, как фотоальбом. Мы хотели, чтобы жители, особенно дети, увидели красивые, добрые лица и чтобы им захотелось узнать, куда эти люди делись, и почему жизнь стала такой, какой они живут. Та жизнь, которую организовала советская власть и последующая перестройка, вполне можно было обозначить словами Радищева из книги «Путешествие из Петербурга в Москву»:- «Я глянул окрест, душа моя страданиями людскими уязвлена стала». Для Юры это было в новинку, а я в журналистских поездках по России навидалась всякого. Люди, которых мы здесь увидели, с которыми познакомились и затем прожили прекрасные моменты, работая рука об руку при восстановлении церкви, были хорошие достойные люди. Даже если жизненные обстоятельства одерживали верх и они пили ужасную водку, называемую «паленкой». Они жили убого и терпеливо. Совхоза, организованного когда-то на основе хозяйства Христины Антоновны, больше не было. В имперских планах внезапно возникших

арендаторов, в их воспаленных замыслах, этим людям места не было. Не было места детям, которые семь километров шли до школы по проезжей дороге. Не было места бедным алкашам, которым 24 часа в сутки была доступна паленая водка. Ее продавали здесь же, в Ровном, надо было чуть спуститься к реке возле церкви Святой Великомученицы Екатерины. А вот хлеба и какой-то нехитрой еды часто поблизости было не купить.

Ау! Где вы, жившие когда-то в этих местах отцы города Боровичи, помещики и благотворители? Городской голова Шульгин, промышленник Вахтер, почетная дворянка Христина Антоновна? Все-то касалось вас в той дореволюционной жизни России, за все происходящее в родных Боровичах болело сердце. Непокойный патриарх Никон, благодаря которому в семнадцатом веке в Церковной Русской жизни произошел непоправимый раскол, успел вмешаться и в жизнь Боровичей. По дороге из Великого Новгорода в Москву, остановился он в Свято-Духовом Боровичском монастыре и помолился возле мощей Святого Праведного Иакова Боровичского, самого чудесного и загадочного русского Святого. А потом своей волей Патриарх Никон и перенес эти мощи в новый, только что построенный Иверский монастырь. Для жителей города это был удар, да и логику усмотреть было трудно. Лыдина, на которой приплыло тело отрока Иакова, двигалась по реке Мсте против течения и причалила к берегу неподалеку от Свято-Духова монастыря. Такова была воля Божья, а решение Патриарха Никона люди восприняли, как волю человеческую, хотя возразить никто не решился. С тех пор самым большим желанием боровичан было возвращение мощей Святого Мальчика обратно. Городской голова Матвей Яковлевич Шульгин и все знатные горожане хлопотали вплоть до революции 1917 года. А там пришли большевики и мощи Иакова Праведного из Иверского монастыря исчезли, что с ними стало, никто не знает, но догадаться можно. Однако, чудесный Святой Иаков города своего не покинул, сберегал его на протяжении всех вековых злоключений России, не допускал иноземных врагов. И до сих пор город живет его заступничеством, потому что

других причин существования этой русской глубинки в наше печальное время найти трудно.

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСКИМ ГРОБАМ

...Мама скончалась в 2000 году, ей шел 89 год. Она родилась «при Царе», родители были по происхождению крестьяне, но ушедшие в другую, городскую рабочую жизнь и, конечно, охваченные шальной идеей «мы наш, мы новый мир построим». Дед, вернувшись с Гражданской, работал в советских конторах, бабушка сняла со стены Иконы и, поначалу, спрятала их под кровать. Бабушкины дети, таким образом, вышли абсолютно разными. Старшие, — мама и брат Борис, рожденные до революции, спокойными и вдумчивыми, а младшие брат и сестра, Александр и Надежда, рожденные после снятия икон, были дерзкими и беспокойными. Бесноватость в советской России проступала отчетливо, бесы, обещанные Федором Достоевским, заполонили страну, и защищаться от них было нечем. Мама была крещена во младенчестве, сохранилось церковное свидетельство, заверенное Священником. И до 12 лет она очень любила Церковь и церковные службы. А потом пришли другие времена, мама стала пионеркой, комсомолкой и, наконец, молодым членом Компартии. Это давало возможность работать в ответственных местах и растить двоих детей. В нашей маленькой Балашихе мама была на виду. Ни мою сестру, ни меня мама не окрестила. И даже разговор об этом не заходил у нас в семье. Мы пошли тем же путем и дочки наши росли до поры до времени не крещенные. Мы жили интеллектуально, Камилл был прирожденным философом, называл себя «толстовцем», цитировал книгу Льва Толстого «В чем моя вера». Когда мы, получив разрешение, приехали к папе во Францию, он повел нас на Русское кладбище и в церковь Успения, которая тут же находилась. Мы подошли, и папа сказал: «перекрестись, Оленька!». А я ответила: «я не крещеная...» Папа промолчал.

Мы вернулись из Франции, и Камилл вскоре заболел, у него был рак. Он лежал в московской больнице. А я в это время окрестилась в церкви «Всех Скорбящих Радости» на Большой Ордынке, мне было 47 лет. Потом мы уехали в Германию на лечение и там Камилл умер.

Мы с мамой долго жили вдвоем, зимой в Москве, летом на даче. Она «вернулась к себе», теперь никакая советская работа не мешала ей быть с Богом. Мама много молилась, я же осваивала и выбирала свой подход к вере православной. Шла разными путями, читала Блаженного Августина, Фому Аквинского, Рацингера, ездила в Оптину пустынь, в Дивеево. Через святого преподобного о.Серафима стремилась к стяжанию Духа Святаго... Иногда было ясно и радостно, а потом эту ясность сердца снова заволакивали тучи, желанного прояснения не было до последних дней маминой жизни. Умирая, мама надолго уходила в забытие, возвращаясь, рассказывала о дивных неземных мирах, в которых побывала. Бывала радостной, светлой. И однажды сказала фразу, которая закончила мои книжные искания истинной веры. Она сказала: «есть одно слово — Бог. За другие слова придется отвечать». Я услышала ее сердцем и до сего дня живу этими словами. Господь наш Иисус Христос стал близок и понятен. К нему не надо было карабкаться через суровые горные массивы заумного Богословия. Просто, — будьте, как дети, и достигнете Царствия Небесного. По узенькой полевой тропинке, через цветущий луг пойдете в Небесный Град. И — Господь вам навстречу...

...Наша с папой встреча состоялась в конце его жизни, ему было 82 года, а в 84 он умер. С тех пор прошло больше тридцати лет, я приближаюсь к его возрасту и не перестаю беседовать с ним. Все, что я пишу, — это мой разговор с папой. Мы не успели договорить и согласились наскоро, что истина посередине. Теперь я с радостью говорю: «Папочка, ты был прав и в поступках твоих, и в словах. Истина на твоей стороне, папочка!»

Течение моей памяти свободно, как течение реки, это оправдано возрастом. Одним словом, — поток сознания. Со всеми деталями и подробностями вижу вдруг картины прошлого, целые куски моей жизни. Острые и яркие мо-

менты. Так внезапно вижу руины над рекой Мстой, поруганная Церковь и дом призрака. Усадьба, где родилась Юрина мама Вера, куда она мечтала птицей перелететь с тоскливой чужбины. Это видение ударяет прямо в сердце даже по прошествии времени. Призрак смотрит на меня мертвыми глазами-окнами. Жуткое впечатление разоренного гнезда, убитой жизни леденит душу.

...За что так страшно заплатила Россия? За что платит по сегодняшний день? Разве благополучная Европа менее греховна? В первую и единственную встречу мы с папой говорили об этом. Он называл Царя Николая Второго последним Удерживающим, считал, что Россия Промыслом Божиим была назначена хранительницей Православия. Мощные темные силы боролись против неё. Всю свою жизнь папа помнил встречу с Государем и Наследником. Гибель Царской семьи связывал со всем, что произошло потом в мире. Он был уверен, что подвал ипатьевского дома, где была расстреляна Царская семья, обернулся пропастью, в которую по сей день катится весь мир. Клятвопреступление тяготеет над Россией, Русский народ, нарушив соборную клятву верности, данную в 1613 году Романовым, фактически выдал на смерть всю Царскую семью. Союзные Государства, в первую очередь Франция, обязанные своим спасением русской Армии и лично Государю, отвернулись. Бросили все. Кругом измена, трусость и обман. Тогда мне казалось, что мой отец преувеличивает. Казалось, ужасы его детства и юности, возраст и тяжелые последствия контузии сказываются. «Папа, — говорила я, — это все было давно, все изменилось, настало другое время». Папа возражал, — от грехов отцов отмахнуться невозможно. Сейчас я с ним согласна. ...

...Летом 1917 года Царскую семью увозили из Петербурга в Тобольскую ссылку, и вряд ли кто сомневался, что везли их на верную смерть. Николай Александрович держался стойко, Царице Александре Феодоровне было всего 46 лет, но она с трудом передвигалась. У неё было большое сердце, она выносила и родила пятерых детей, а после рождения сына уже никогда не знала отдыха и покоя, страдая вместе с ним во время приступов неизлечимой болез-

ни. Последние переживания за горячо любимого Государя, перенёсшего потерю Российского престола, предательство армии, Священства, родственников и большинства друзей, совсем не оставило ей сил. В страшное путешествие с ними отправлялись четыре молоденьких девушки, царские дочери, Цесаревич Алексей, которого несли на руках, и совсем небольшая группа не покинувших страдальцев людей. Народ русский был уже научен большевиками издевательствам над Августейшей семьёй. В пути могло произойти самое непредвиденное. Их провожала немногочисленная свита людей военных. Они плакали, и это нормально. Ненормально то, что никто в России не захотел вступить за Царя, которого предали. Гвардейцы, охранявшие французского короля Людовика Шестнадцатого, защищали его до последнего. Французским смутьянам пришлось убить всю охрану прежде, чем король попал к ним в руки. Русские офицеры или просто устранились, или горько плакали... Комментарии, как говорят, излишни.

...Что мы знаем о смерти Царских Мучеников? Их убивали без суда и следствия, никаких протоколов не осталось. Просто бандиты, окопавшиеся в Кремле, отдали тайный приказ другим бандитам в Екатеринбурге, — убить и уничтожить следы. Остались рассказы тех, кто убивал и с гордостью вспоминал потом содеянное в ночь на 17 июля 1918 года: — «Алексей 11 пуль проглотил, пока, наконец, умер. Что-то так очень живучий парнишка. Между прочим, очень красивый парень Алексей, очень красивый был». В Москве, в музее революции хранилось для истории и потомков «героическое» оружие: «Считаю необходимым передать музею для хранения кольт и маузер. Из колта мною был наповал убит Николай, остальные патроны одной обоймы колта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая...» Не ведали, что творили, несчастные. Не прикасайтесь к Помазанному Моим!

«Вот мы Романовых убили, вот мы крестьян свели с полей...

Как лошадь, загнанная в мыле хрипит Россия наших дней!

За что?! — несётся крик, неистов. За что нам выпал жребий сей?

За то, что в грязь, к ногам марксистов упал Царевич Алексей...»

Мой отец был прав, такое преступление без последствий в Божьем мире невозможно. Есть пословица, — Божьи жернова мелятся медленно, но верно. Страшно думать, что время ответа подошло. Страшная беспощадная действительность, уничтожающая сейчас людей во всем мире, заставляет задуматься...

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

«...Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше». (Мф.6:19-21)

...Юра часто повторял, — христианин должен свидетельствовать. Теперь я понимаю, что он имел в виду. Каждым моментом жизни христианин должен подтверждать, что злу дается время, а Любовь вечна. Наша встреча была нужна для выполнения нами именно этой миссии. Символически можно сказать, что в России мы нашли не развалины дома и церкви, а руины Святой Руси, — Церковь превратили в дискотеку. Для меня это было привычно и неудивительно. Для Юры это был жестокий удар. Можно было увидеть эту мерзость запустения и уехать. Больше здесь не бывать, чтобы не рвать сердце. Но бросить храм было как бросить больного ребенка. Он ждал и надеялся. И мы вернулись, и начали жить судьбой храма и его вечной историей.

...В египетском городе Александрия в конце третьего века по Рождеству Христову жила девица по имени Екатерина. Она происходила из царского рода, была замечательно красива и славилась своей премудростью. Екатерина могла выбрать самого лучшего жениха, но только после обращения ко Христу она обрела то, к чему всегда стремилась её душа. В чудесном сне Господь Иисус назвал её Своей, Христовой, невестой. Многих потом обратила Екатерина

в Истинную веру, а когда выпало ей пострадать за Христа — удивила врагов своих мудростью и непоколебимостью в вере Христовой. Мучителей своих она просветила светом Истины, а когда её приговорили к смертной казни, — произнесла:

— Господи Иисусе Христе, Боже мой! Благодарю тебя за то, что Ты поставил на камне терпения ноги мои и направил стопы мои. Простри ныне пречистые длани Твои, некогда уязвленные на Кресте, и прими душу мою... Призри с высоты Твоей, Господи, на прошения тех, которые будут призывать через меня имя Твое святое, дабы всеми воспевалось величие Твое вовеки.

И Святой Екатерине отсекли мечом Честную Главу... А произошло это в царствование нечестивого римского императора Максимиана.

В годы ленинской эпохи большевики-безбожники разрушали прекрасные и величественные храмы во всех русских городах и весях, был разрушен и храм Святой Великомученицы Екатерины в селе Ровное. Сначала сбросили колокола, потом накинули стальной трос на ясный церковный купол. Взревел мотор трактора, потащил с усилием напрягшийся трос, качнулся литой Православный крест, и ... рухнула Честная Глава древнего храма. На основе прекрасно организованного приусадебного хозяйства бабушки Христины Антоновны образовался совхоз, а изуродованную церковь Святой Великомученицы Екатерины приспособили под овощехранилище. Перебирая картошку, люди поднимали головы и видели над собой странно невесомую икону Божьей Матери. Изображённая на каком-то загадочно-лёгком полотне, непонятно, как сохранившаяся, она словно парила над ними. А когда её захотели снять — рассыпалась. Потом церковь стала клубом, танцевали, слушали доклады, смотрели фильмы. Казалось, вполне приятно проводили свободное время совхозные работники. Правда, поговаривали, что не совсем ладно бывает с теми, кто в этот клуб ходит. То один, то другой случай, часто трагический, это подтверждали. Однажды летним днём, когда народ увлечённо смотрел в церкви-клубе интересный фильм, в то место, где когда-то был купол и крест, ударила молния. Причём, произошло это при совершенно чистом голубом

небе, из маленькой, невесть откуда взявшейся тучки. Молния ударила в самый центр, — и тут же начался пожар. Его быстро потушили, но происшедшее удивило и запомнилось всем.

Советский режим заменила перестройка. Так назвали новую, вторую после 17-го года революцию, которая опять принесла народу тяжёлые испытания. Русский крестьянин, окончательно сбитый с толку, пропадал и бедствовал на необъятных родных просторах. Чужое добро, отнятое когда-то у прежних хозяев, не пошло большевикам-завоевателям впрок: развалился совхоз, варварски разрушен был крепкий усадебный дом, доживал последние дни и совхозный клуб. В нём уже вовсе невозможно было узнать милый и уютный когда-то храм. Но в эти годы вера в Бога была разрешена и, казалось, ничто больше не мешало снова возродить в селе Ровное Святую церковь, но... при общем народном голосовании за это проголосовала только одна старушка. Остальным хотелось танцевать, и бригада местных мужичков начала не церковь восстанавливать, а снова ладить в ней клуб. Строили свои, да для себя, и — хорошо сработали, но с каждым, кто принял в этом участие, приключилась впоследствии какая-нибудь беда. Некоторые из этой бригады и вовсе погибли страшной неестественной смертью. Но, несмотря ни на что, вместо церкви опять появилась дискотека. Устроили её на новый лад, с желающих веселиться теперь брали деньги. Но зато обеспечивали первоклассной аппаратурой и современной музыкой. Стены разукрасили американскими флагами и рисунками самого вольного содержания, окна заложили кирпичами для интимного уюта, чтобы веселиться было удобно и приятно. После очередного танца выходили прохладиться наружу, курили, топтались в церковной ограде по бывшему кладбищу, по могилам, которые сравнивались с землёй и заросли травой. Станным было одно: — музыкальная аппаратура дискотеки систематически перегорала. Никакие старания электриков не помогали, и никто не мог понять причины. Причины не было, просто внезапно музыка прекращалась. И, может быть, ещё попытались бы хозяева дискотеки спасти своё дело, приносящее какой-никакой доход, но вдруг всё разладилось окончательно.

Караулить технику в бывшей церкви наняли отрока лет пятнадцати. Таких беспризорных отроков в результате перестройки по России бродило много. За небольшую плату, а главное — за хлеб насущный, согласился он ночевать в церкви-дискотеке. Однако, после нескольких ночей, отрок заявил, что ему по ночам страшно, потому что невидимый хор поёт над его головой. Неведомые мальчику напевы слышатся всю ночь, но почему-то понимает он, что хор — церковный и пение — церковное, вот только певцы незримы. Пробовали его и пристыдить, и осмеять, и даже пошёл с ним вместе ночевать ровесник его. Но и тот потом подтвердил необъяснимое и пугающее явление: — ночью в помещении бывшей церкви, в полной тьме поёт церковный хор. Этим дело и закончилось. Технику увезли, помещение закрыли.

Люди продолжали жить свою трудную жизнь, не обращая внимания на разрушенный Божий дом. Храм Святой Великомученицы Екатерины отныне был никому не нужен. Заросший травой, облупленным и жалким обрубок, он одиноко стоял на краю села, за ним почти сразу начинался лес. Но, казалось, — поруганный храм всё-таки чего-то ждёт... И настал его час! Когда мы с Юрой открыли двери и впустили солнечный свет, — Тьма, долгие годы владевшая храмом, в страхе попятилась, но до времени притаилась по углам, злобно наблюдая за происходящим. А люди теперь пришли не на «танцульки»! В алтарную часть, превращённую когда-то в клубную сцену, мы внесли небольшую икону Божьей Матери «Иверской», которую привезли из дома. Её окружили букетами полевых цветов, и первая эта икона словно осветила мрачное помещение. Сила этой иконы в непрекращающихся, с давних времён связанных с ней, чудесах. Одно такое чудо произошло в Иверском валдайском монастыре в 90 е годы, в храме, где находилась Чудотворная икона, начался пожар, сильно пострадало всё внутреннее убранство, а Икона осталась невредимой. Иверский монастырь стоит на острове посреди Валдайского озера, это 50 км от Боровичей. До революции существовал обычай: — главную святыню монастыря, чудотворную икону Божьей Матери Иверской, монахи в летнее время возили «гостить» по всем окрестным храмам. В те благополучные цар-

ские времена бывала она, конечно, и в Ровном, в храме Святой Великомученицы Екатерины. Совпадение или очередное чудо, но через семьдесят лет мы привезли нашу Икону в ровенский храм, как в былые времена, — летним солнечным днём. Одно из названий этой иконы, — «Вратарница», она и открыла «врата» возрождения ровенской церкви. Вскоре боровичским Благочинным о.Валерием Дьячковым был отслужен первый молебен. Много людей пришло помолиться. Подходили, кланялись у порога:

— Прости нас, Екатеринушка...

Из заметки журналиста Любви Николаевой «Радость созидания» в боровичской газете «Красная искра». (7 декабря 2007 года).

«5 декабря, накануне дня памяти Святой Екатерины, в усадьбе Ровное-Новоблагодарное состоялось знаменательное событие: обезглавленный в годы гонения на церковь Екатерининский храм увенчали купол и крест.

...Был серый зимний день, под ногами расплзался растопленный оттепелью снег. Внимание стоящих у церкви людей было приковано к только что поднятому и установленному почти семитонному деревянному куполу, желтевшими свежими досками. Несколько человек, копошившихся наверху, вели приготовления к следующему этапу: установке креста. И вот долгожданный момент настал: с помощью крана крест медленно поплыл по небу и остановился над куполом. Его подхватили бережные руки и помогли встать на своё законное место...

Среди работавших на 16-метровой высоте людей был и 80-летний Юрий Всеволодович Вербицкий, французский подданный, правнук последней владелицы усадьбы. Захваченный энергией созидания, он, казалось, забыл о возрасте: уверенно ходил по куполу и даже спускаясь вниз, не чувствуя высоты. Впрочем, говорят, что он в молодости увлекался альпинизмом... Юрий Всеволодович и его жена Ольга Ростиславовна год за годом, шаг за шагом приближают исполнение своей мечты — возродить Екатерининскую церковь. Дела-

ют это своими силами, средствами и, конечно, с помощью добрых людей. Впереди ещё много дел... Спустия два дня,

7 декабря, в день Святой Великомученицы Екатерины, в храме состоялась праздничная Литургия».

КОНЕЦ

...Из последних сил мы приехали в Альпы в 2015м году. И опять было ощущение щемящего прощания, когда увидели нашу седую гору Сент-Виктуар, когда поднялись с большим трудом к церкви Сен-Сэр, когда съели рыбу в старинном ресторане в день моего рождения 11 октября. Мы — знали. Вот теперь всё! Это окончательно! Было понимание не горького и грустного, а высокого момента нашей жизни. Понимали, что последний раз мы вот так летаем, парим, но — храбрились! И ощущали, чувствовали не трагедию, а торжественность происходящего в нашей жизни. В сентябре 2016 мы, на удивление окружающим, не изменили себе и успели побывать в Грузии. Погостили там у наших друзей под Тбилиси. Мы увидели христианские Святыни Грузии ранних веков, они поражали древностью, в них чувствовался Первоисточник. Юра всем очень живо интересовался. День моего 75 летия отпраздновали в Москве и помчались в Боровичи. Там в родных местах 13 октября Юре исполнилось 89 лет. Мы навестили могилу его прадеда, помолились на литургиях в двух наших церквях, Святой Екатерины и Царских Мучеников, третья церковь Преображения была ещё в проекте. Во Францию вернулись уже в декабре. Юра вынес все наши переезды и перелёты героически. Приближался 2017, последний год Юриной жизни. Его он провел, в основном, в больницах и санаториях, свои 90 лет он встретил не дома. А в начале 2018 года, 6 января, под самое Рождество, мой Юра покинул наш мир. Я была рядом и видела, как он уходит, неторопливо и размеренно, как всегда ходил в горах. Дышал он ровно и спо-

койно, словно поднимаясь все выше и выше, дыхание его затихало и затихло совсем...

...Весной по быстрой Мсте, грохоча, несутся льдины. Тёплыми летними ночами шумит на дальних порогах речная вода и благоухает сирень. Когда осенним утром в Париже моросит тёплый дождь и сыпятся на землю тяжёлые блестящие каштаны, — в маленьком селе Ровное под Боровичами на траве лежит иней. В природе всё повторяется из года в год, а вот в жизни людей — нет. Кончилась наша история и наша жизнь. Мы не успели сделать столько, сколько нам хотелось. Истратили, я думаю, всего один талант на двоих, но мы очень старались его приумножить, а сумели или нет — решит Бог. Всем помощникам, соротникам, читателям, слушателям, — всем единомышленникам — низкий поклон! Мы восстановили, вернули к жизни церковь Святой Екатерины, а, точнее сказать, это она подняла из духовных руин нас и всех, кто был вокруг. «Есть одно слово, — Бог. За другие слова придется отвечать!»

...Пусть в храм Святой Великомученицы Екатерины, в церковь Святых Царственных Страстотерпцев и Церковь Преображения Господня приходят на церковную службу люди. Пусть наполнятся храмы православным народом, пусть он затеплит перед иконами свечи за Упокой умерших и за Здравие живущих. А молитвы полетят в необъятный русский простор и поднимутся до самого неба, до вечного Небесного Града: Господь мой, я хочу узнать тебя и быть с тобой вечно. Благодарю тебя, Господи Иисус Христос, за смерть твою на кресте за грехи мои. Открываю жизнь мою и принимаю Тебя, Спасителя моего и Господа. Возьми жизнь мою под власть свою и измени меня, дабы я стал таким, как ты желаешь.